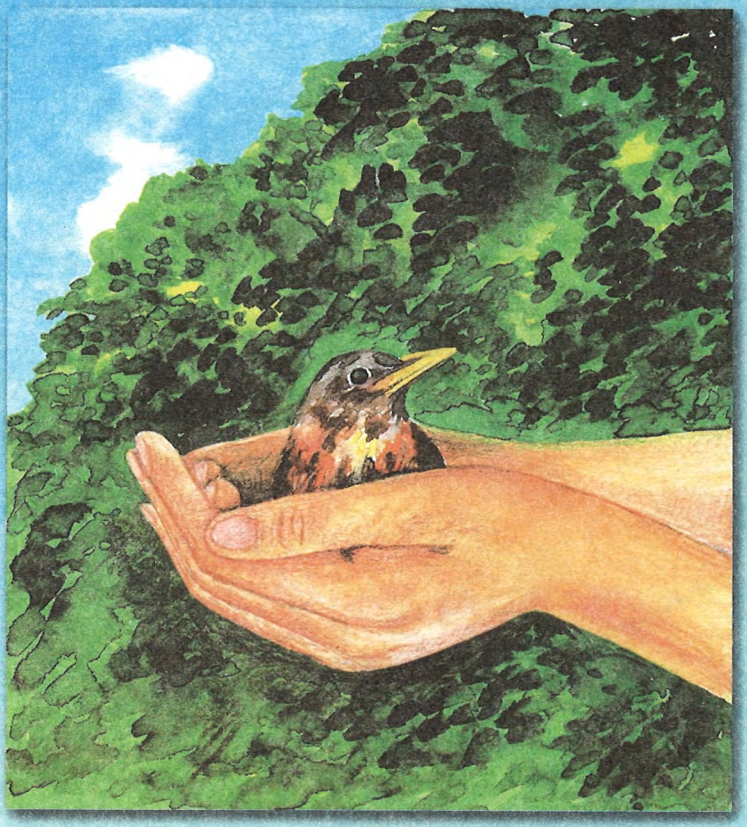
УРОКИ ЖИЗНИ

8



Дорога в небо

Международный Союз Церквей Евангельских христиан баптистов

МСЦ ЕХБ · ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕРЫ

«...и не будь неверующим, но верующим» (Ин. 20:27)

Библиотека МСЦ ЕХБ

Проповеди, свидетельства, статьи. Основание веры и жизнь в слове.

Главный портал

Хронология событий

501 год истории, 492 события. Путь братства от 1525 года до сегодня.

История Церкви

Каталог книг & брошюр

Апологетика, свидетельства, наставления. Агнец Божий, Вернер Гитт и др.

Духовная литература

Реестр проповедей

840 текстовых проповедей. Слово на каждый день — от братьев и сестер.

Обновлено 03.05.2026

492	121	28	1525
СОБЫТИЙ	ЛЕТ ОХВАЧЕНО	КАТЕГОРИЙ	РАННЕЕ СОБЫТИЕ

✦ Присоединяйтесь к духовному общению ✦

Telegram · «Путь в Небо»

Канал в Максе · «Путь в Небо»

«Прощаю тебя, сынок. Прощаю» — эти 50 лет жизни с Богом не стёрли из сердца этого воспоминания. Оно звучало как "прощаю" от Господа.

— Свидетельство о маме, Нине Степановне Скорняковой

Библиотека проповедей, история братства, книги и хроника веры
«Блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин. 20:29)

УРОКИ ЖИЗНИ

8

Дорога в небо

ХРИСТИАНСКИЕ
РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ДОРОГА В НЕБО
«Уроки жизни», книга 8

Издано на пожертвования верующих
Распространяется безвозмездно
Продаже не подлежит

Содержание

Библия 4
Исполнившееся желание 4
Любовь не завидует 8
Надин труд 12
Алёшина последняя осень 18
Как Турия праздновала
Рождество 26
Дорога в небо 37

Библия

БУТС-ТУККЕР во время одного из своих многочисленных путешествий сидел, по своему обыкновению, на палубе на складном стуле и читал Библию.

Проходивший мимо него штурман однажды сказал ему с напускной весёлостью:

— Швырните-ка свою старую книгу за борт!

Бутс-Туккер, улыбаясь, взглянул на него и ответил:

— Швырните-ка свою морскую карту за борт!

— Мою морскую карту!? — возмутился штурман. — Ну уж нет, она сопровождала меня во всех моих странствованиях, и я знаю, что она верно указывает путь.

— Ну вот,— заметил Бутс-Туккер,— точно так же и эта Книга сопровождает меня во всех моих плаваниях по жизни, и я также знаю, что она верно указывает путь.

Больше ничего не было сказано, да в этом и не было надобности. Старый морской волк* притих и, кажется, немножко пристыженно удалился.

Исполнившееся желание

ПАПА, а что ты пишешь? — спросила шестилетняя Катя, заглядывая на стол.

— Письмо узнику.

— Кому? — не поняла она.

* Морской волк — старый, опытный моряк.

— Узнику, моему другу, которого посадили в тюрьму за то, что он проповедовал Евангелие.

Катя вспомнила: на детском собрании им рассказывали, что многие братья и сёстры находятся в тюрьмах, за колючей проволокой, только за то, что верят в Бога. Говорили о том, что надо молиться и об узниках, и о детках, которые остались дома без папы.

— А что ты ему пишешь? — снова спросила Катя.

— Пишу о Господе, о Его любви, а также о церкви, что мы продолжаем собираться на богослужения и проповедуем. В тюрьме, Катя, очень трудно, и наши узники нуждаются в том, чтобы мы не только молились о них, но и посещали их письмами, ободряли и утешали.

— Я тоже буду писать письма, как только научусь... — задумчиво сказала Катя.

С тех пор желание писать узникам и ободрять их не покидало Катю и превратилось в мечту.

Прошло несколько лет. Катя уже училась в третьем классе, но до сих пор не написала ни одного письма узнику. Мама сказала ей, что надо ещё подрасти, научиться понимать Писание, а потом уже писать взрослым письма.

Однажды папа взял Катю в соседний город на общение, посвящённое встрече узника. Катя с большим вниманием слушала служителя, рассказывающего о жизни в тюрьме и в лагере. Желание посещать узников письмами стало у Кати ещё больше. Однако на общении говорили, что наступает свобода и скоро всех верующих освободят из заключения. Катя опечалилась: значит, не сбудется её мечта!

Прошло ещё несколько лет. Катя окончила школу, приняла святое водное крещение. Она хотела быть полезной в церкви, но не знала, за что ей взяться.

Детская мечта иногда всплывала в памяти, но осуществить её Катя уже не могла. Как-то на одном общении служитель церкви говорил молодёжи, что Бог дал свободу не для бездействия, а для очень важного труда — для благовестия.

Катя поняла, что Господь зовёт её на это служение, и откликнулась одной из первых.

Много раз приходилось ей участвовать в палаточном благовестии. Она встречалась с людьми, страдающими от своих грехов и пороков. С большой любовью Катя убеждала их поверить в Бога и принять от Него спасение. Неизгладимый след в её сердце оставляли встречи с детьми, родители которых утопали в пьянстве и наркомании.

Новым знакомым Катя давала свой адрес, и скоро она стала получать много писем от детей и взрослых.

В некоторых местах после благовестия образовывались небольшие группы христиан. Новообращённые нуждались в ободрении и духовном подкреплении. С ними у Кати началась серьёзная переписка.

Сколько радости доставляло ей это незаметное служение!

Однажды Катя встретила в городе убитую горем женщину. Девушка поспешила засвидетельствовать ей о Божьей любви и о возможности найти мир сердцу. От услышанного женщина разрыдалась.

— Вы первая, кто сказал мне о Боге! — произнесла она сквозь слёзы. — У меня в семье большое горе — бесконечные раздоры и пьянство. Мне уже не хочется жить...

— Вы обращались когда-нибудь к Богу? Вы рассказывали Ему о своём горе? — спросила Катя. — Бог любит людей и может спасти от безнадёжности.

Закрыв лицо руками, женщина не переставала плакать. Катя продолжала рассказывать ей о пути к Богу, пока женщина немного не успокоилась. Расставаясь, Катя взяла у неё адрес и пообещала написать письмо.

Через неделю они встретились.

— Я хранила твоё письмо под подушкой и много раз перечитывала,— радостно сказала женщина. — А открытка такая чудесная! Я без слёз не могу её читать!

Женщина начала читать Евангелие, и Божья любовь пленила её сердце.

Катя просто не могла не продолжать своё служение. Через переписку она приобрела много друзей и многим указала путь к Богу.

Так сбылась её детская мечта — писать письма тем, кому трудно, кто нуждается в утешении и ободрении. Господь увидел её желание и открыл путь к полезному труду.

Любовь не завидует

ЛЮДА жила в крупном, шумном городе, в большой семье. Ей было одиннадцать лет. Её родители любили Господа Иисуса и хотели воспитать своих детей искренними христианами, которые всем сердцем полюбили бы Бога и посвятили Ему всю свою жизнь. Люда была старшей. В конце каждого дня семья собиралась на вечернюю молитву. Однажды отец пришёл со спевки, когда все дети ещё сидели в зале. Мама только что закончила читать им рассказ.

Перед молитвой отец сказал:

— Дети, Иисус Христос хочет, чтобы мы были похожи на Него: любили своих ближних, не обманывали, старались жить так, как написано в Евангелии. А вы хотите этого?

— Да! — ответили старшие дети.

— Вы запомнили, в чём выражается наша любовь к Иисусу? — спросил отец, желая проверить, как дети слушали рассказ, который читала мама.

— Конечно! — кивнула Элла.

— В нашем отношении к людям,— сказал её старший брат.

— Правильно. — Отцу нравилось, что дети начинают понимать духовные вопросы и знают, что именно приятно Богу. Он посмотрел на малышей и добавил:

— Если кто-то из вас любит свою машинку, куклу, бантики или конфеты больше, чем братиков и сестричек, тот ещё не любит Иисуса. Вы знаете, как можно научиться на деле любить Господа?

Малыши внимательно посмотрели отцу в глаза, и он поспешил сам ответить на свой вопрос:

— Никогда не надо жадничать. Например, Олежка попросил у Ромы машинку. Рома и сам хотел бы поиграть, но лучше, если он уступит братику и даст ему игрушку. А Люду, например, кто-то угостил конфетами. Она может и сама их съесть. Но если любит своих братиков и сестричек, она обязательно поделится с ними. Так мы учимся проявлять нашу любовь к Иисусу на деле.

Когда вся семья преклонила колени, чтобы помолиться, Люда попросила Иисуса, чтобы Он сделал её сердце чистым и научил по-настоящему любить Бога и ближних.

На следующее утро Люда проснулась в приподнятом настроении. «Как хорошо, что сегодня суббота и не надо идти в школу!» — подумала она.

Выглянув в окно, Люда невольно улыбнулась — какой чудесный день! На голубом небе — ни облачка. От яркого солнца весело искрился снег. Лёгкий ветерок сдувал с деревьев пушистые снежинки.

После завтрака мама напомнила Люде о том, что она должна навести порядок в комнатах, и ушла в магазин. Мама давно уже хотела купить детям необходимую одежду к весне.

— Купи и мне какую-нибудь кофточку! — крикнула Люда вслед уходящей матери.

Закрыв дверь, девочка тут же принялась за уборку. Она вытерла пыль на подоконниках, полила цветы, убрала ненужные вещи с письменного стола, сложила книги на полке. Работая, она всё время думала о кофточке, которую купит ей мама.

«Обязательно надену её завтра на собрание! — мечтала она. — Интересно, какого цвета она будет, с пуговицами или с кнопками?»

Вскоре все комнаты были прибраны, пол чисто

вымыт. Люда села в детской на диван и стала наблюдать за игрой малышей.

Мама, как и обещала, не задержалась. Она пришла ещё до обеда, слегка уставшая, но довольная.

Дети один за другим получали подарки. Все оживлённо рассматривали и примеряли обновки. Люда молча стояла в стороне.

— Мама, а мне ты купила что-нибудь? — спросила она, заметив, что мамина сумка уже почти пустая.

— Нет, доченька, в этот раз тебе ничего не купила, у тебя есть всё необходимое...

Обида горьким комком подкатила к горлу. Мама ещё что-то объясняла, но Люда уже ничего не слышала. Убежав в соседнюю комнату, она бросилась под кровать, забилась в угол и зарыдала.

«Почему мама всем что-то купила, а мне — ничего! Почему?.. Она меня не любит! Почему я родилась в этой семье? Если бы я была одна, родители любили бы только меня и покупали всё, что только захочу!»

Пришла бабушка. Дети встретили её с большой радостью, только Люда сидела в своем укрытии и даже не откликнулась на бабушкино приветствие.

— Меня никто не любит... — приговаривала Люда, громко всхлипывая. — А может, я чужой ребёнок?..

— Люда! — услышала она тихий голос бабушки. — Ты что там говоришь? Тебя все любят, и ты вовсе не чужая! Ты говоришь неправду и огорчаешь этим Иисуса. Он дал тебе верующих родителей, Он каждый день посылает всё необходимое, чтобы ты была счастливой и радостной девочкой, а ты...

Люда перестала плакать.

— Не слушай дьявола, который нашёптывает тебе нехорошие мысли,— продолжала бабушка. — Он прилагает все усилия, чтобы сделать тебя недовольной,

капризной, самолюбивой, непослушной. Вылезай из-под кровати, иди ко мне!

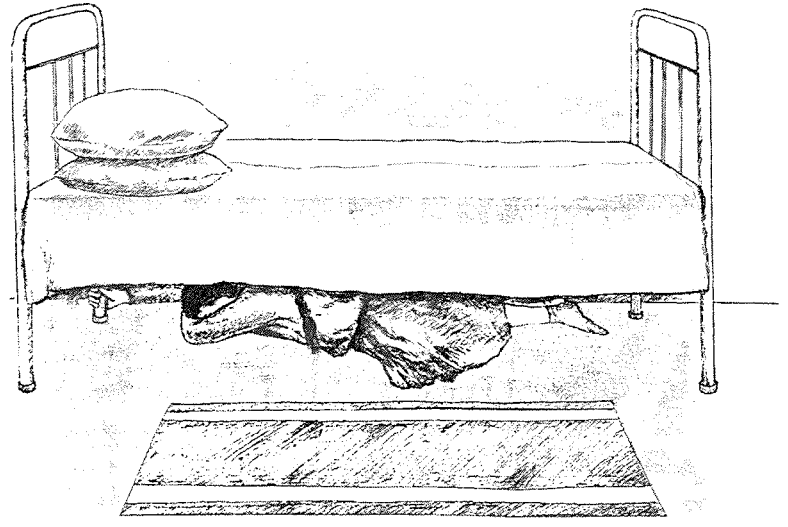
— Нет, не вылезу,— шмыгнула Люда носом.

Правда, ей в какой-то момент очень захотелось броситься бабушке на шею, попросить за всё прощения и снова быть радостной. Но что-то мешало...

— Меня никто не любит,— упрямо повторила она. — Я полежу на холодном полу, простыну и умру, тогда поплачете...

Бабушка долго уговаривала внучку вылезть из-под кровати, но та не поддавалась никаким уговорам и крепко держалась за металлическую ножку. Тяжело вздохнув, бабушка вышла из комнаты.

— Боже, помоги Людочке понять, как плохо она поступает! — преклонив колени, молилась бабушка со слезами. — Помоги ей прислушиваться к Твоему голосу и покоряться ему, помоги уже сейчас научиться смирению...



Долго ещё Люда лежала на полу, пытаясь понять, отчего всё так получилось. Осуждающие мысли тревожили её, обвиняли в том, что она позавидовала своим сестричкам — ведь им мама купила обновки, а ей — не купила!

Вспомнился Люде вчерашний вечер и слова папы. Из-за какой-то кофты она потеряла мир! Сатана захотел искусить её, и она не устояла. Своим поведением она испортила весь день и себе, и домашним. Она огорчила Иисуса и причинила боль бабушке, маме...

— Господи, прости меня,— прошептала она,— помоги мне больше любить своих братиков и сестричек и не завидовать!..

Уставшие от напряжения пальцы сами собой разжались. Люда вылезла из-под кровати и медленно направилась в кухню — к маме и бабушке...

Надин труд

НАДИН папа — благовестник. Помимо служения в своей церкви он совершает служение ещё в нескольких группах христиан. Однажды Надя попросила папу взять её с собой.

— А трудностей не боишься? — спросил он. — Мне приходится много ходить пешком!

— Я же не маленькая! — улыбнулась Надя. — Мне уже десять лет!

Папа тоже улыбнулся. Действительно, Надюша уже большая. Как быстро выросла младшая дочь!

— Ну хорошо,— согласился он. — Я возьму тебя с собой. А что ты можешь делать? Я буду проповедовать, а ты?

— Я могу рассказать стихотворение, спеть. И ещё мы можем спеть с тобой вдвоём. — Надя доверчиво посмотрела отцу в глаза.

— Хорошо,— согласился он,— сегодня ложись спать пораньше, утром я тебя разбужу.

Вставать пришлось действительно очень рано. Где-то на востоке начало светлеть небо. Утренний туман постепенно рассеялся, когда папа и Надя шагали по накатанной полевой дороге. Мокрая от росы трава обдавала ноги холодными брызгами. С одной стороны стеной стояла ещё не созревшая пшеница, с другой — зеленел некошеный луг, а за ним росли молодые берёзки.

Поёживаясь от утренней прохлады, Надя старалась не отставать от отца. Впереди был далёкий путь — целых двенадцать километров.

Когда над лесом поднялось большое красное солнце, Надя с папой прошли через поле. Тропинка повернула к лесной опушке.

— Вот мы и прошли с тобой большую часть пути,— весело сказал папа.

— А я совсем не устала! — радостно отозвалась Надя.

Вдруг девочка резко остановилась и схватила отца за руку.

— Папа, смотри... — испуганно прошептала она.

Впереди по тропинке шёл дикий кабан. Он не спеша направлялся в лес. Увидев людей, кабан в нерешительности остановился. У Нади замерло сердце. Она никогда не видела такого страшного животного. Он был похож на свинью, только намного больше, а шерсть — длинная, вздыбленная, впереди у него торчали белые клыки. Он был какой-то горбатый, страшный. Как тут не испугаешься? Но папа не испугался.

— Не бойся, доченька, с нами Господь,— улыбнулся он и крепче сжал её руку. — Дикие кабаны ночью

выходят в поле полакомиться пшеницей, а утром возвращаются в лес.

Папа громко крикнул, и кабан, смешно вскидывая ноги, пустился в лес.

— Папа, нам тоже надо туда идти? — спросила Надя, показывая пальцем в ту сторону, где только что стоял кабан.

— Да.

— А если он выбежит из леса и нападёт на нас?

— Нет, кабан не выбежит. Мы молились, и Господь нас сохранит. А теперь пойдём быстрее, чтобы не опоздать на собрание.

Надя прибавила шагу. Когда они проходили то

место, где стоял кабан, Надя стала боязливо озираться по сторонам, но кабана нигде не было видно.

— Вот мы почти и пришли,— обрадовал её папа, когда впереди показались деревенские дома.

Надя первый раз в Сосновке. Собрание проходило в скромном домике с низким потолком. Все разместились в маленькой комнате. С большим вниманием и со слезами верующие слушали проповедь о страдании Иисуса Христа. После проповеди Надя прочитала стихотворение, а потом они с папой спели свой любимый псалом. Девочка радовалась, что может трудиться в церкви, как и папа.

После собрания никто не спешил домой. Одни задавали папе всякие вопросы, беседовали с ним, другие попросили Надю ещё спеть и прочитать стихи. Не стесняясь, Надя прочитала все стихи, какие знала, спела несколько песен.

После обеда папа спросил:

— Ну что, дочка, отдохнула? Нам надо ещё посетить одного старичка на хуторе. Пойдёшь?

— Конечно пойду! — радостно сверкнула глазами Надя.

Дорога на хутор пролегала через лес, куда утром убежал кабан.

Шли долго. В лесу было прохладно и тихо. Надя устала и уже не задавала папе никаких вопросов. Наконец лес начал редеть. Впереди заблестела речка.

— Вот перейдём через мостик и попадём прямо на хутор,— сказал папа.

Идти оставалось совсем немного. За рекой они поднялись на пригорок и подошли к крайнему домику с облезлыми ставнями. Папа легонько толкнул дверь. Она грустно и протяжно скрипнула. Надя смело шагнула вслед за отцом.

— Мир дому вашему! — громко сказал он. — Приветствую вас, Иван Васильевич!

— С миром! С миром принимаю! — отозвался старичок.

Он сидел за столом у окна — старый, сгорбленный. Даже сидя, он опирался на крепкую палку. Надя с удивлением рассматривала дедушку. Его очки в широкой коричневой оправе на переносице были обмотаны тряпочкой. Сквозь стёкла на девочку смотрели неестественно большие глаза. Надя догадалась, что их так увеличивают очень толстые стёкла. И даже такие очки дедушке мало помогали. Он почти не видел, но папу узнал сразу.

— Вот радость-то какая! — заулыбался он беззубым ртом. — Милостив Господь, слава Ему! Дождался я тебя.

Когда папа сказал, что пришёл с дочкой, дедушка ещё больше обрадовался.

Жизнерадостный старичок много говорил об Иисусе Христе, своём Спасителе. Рассказывал, как Господь заботится о нём, посылает всё необходимое. Надя слушала дедушку и с интересом рассматривала его нехитрое жильё.

Папа спрашивал у дедушки о самочувствии, о его трудностях. Надя удивлялась тому, что этот немощный старичок был всем доволен. Он добродушно рассказывал, как Господь его благословляет, хранит, как располагает к нему соседей.

— Слава Богу, у меня есть Библия,— положил он сухую руку на большую толстую книгу. — Через неё Господь беседует со мной, вразумляет.

Надя впервые видела такую большую Библию.

— Самое главное,— продолжал старичок,— у меня есть Господь, Он спас меня. Я каждый день жду, когда

Он заберёт меня к Себе. Жаль только, что на нашем хуторе людей не интересует спасение души...

За беседой время пролетело быстро. Надя прочитала дедушке несколько стихов, двадцать второй псалом Давида, вместе с папой они спели, а потом все вместе помолились.

Пока папа ходил к роднику за водой, Надя тщательно подмела комнату, вытерла пыль. А дедушка всё рассказывал и рассказывал Наде о том, как милостив к нему Господь. Особенно запомнился Наде рассказ об одном случае, который произошёл с дедушкой прошлой осенью.

Как-то поздно вечером он услышал непонятный шум на огороде. Там росла картошка, свёкла, морковь. Дедушка вначале подумал, что чьи-то коровы забрели к нему в огород. Но было уже темно, и коровы в это время не могли ходить. Дедушка хотел было выйти, да не решился: глаза всё равно не видят. Он подошёл к окну, прислушался: кто-то ходил по огороду.

«Что я сделаю? — подумал он. — Ничего. Только Господь может защитить меня».

И дедушка стал молиться.

Вдруг послышался рёв двигателей. С горки, как раз мимо огорода, ехали мотоциклы. Когда они умчались, на огороде стало тихо.

Утром дедушка пошёл посмотреть, что творилось на огороде ночью. Перед его глазами предстала невзрачная картина. Некоторые грядки были перерыты, потоптаны, картошка частично выкопана, свёкла тоже.

«Кабаны приходили! — догадался дедушка, разглядывая, как напроказничали ночные гости. — Как хорошо, что мотоциклы напугали их! Это Господь так устроил. Кабаны испугались рёва моторов и убежали в лес».

Дедушка радовался, что Господь услышал его молитву и сохранил урожай, что звери не успели испортить весь огород. Надя уже знала, как выглядят эти дикие животные.

На прощание дедушка попросил гостей спеть псалом, который он сильно любил: «Мой в небе край родной, мой в небе дом...»

А потом папа с Надей отправились домой. Солнце уже почти спряталось за лесом, когда они подходили к железнодорожной станции.

Электричку ждали недолго.

Надя села возле окна и сразу почувствовала, как устали ноги. Она положила голову папе на колени и подумала: «Папа так много ходит пешком и сильно устаёт... Наверно, служение Богу без усталости не бывает...»

Алёшина последняя осень

СТОЯЛИ тёплые сентябрьские деньки. Осень несмело вступала в свои права. Слегка прикасаясь к листьям на деревьях, она рисовала на них свои узоры, перекрашивая в коричневый, лимонный, оранжевый и даже красный цвет.

У небольшого дома, который принадлежал семье Ивневых, дружно играли дети. Одни весело перекидывались мячом, другие прыгали через скакалку и задорно смеялись.

Вечером двор в одно мгновение опустел: дети побежали в дом.

— Проголодались? — приветливо встретила их тётя

Клава. — Скорее мойте руки и — к столу! Алёша, зови малышей.

За большим обеденным столом разместились семеро детей. Старшему, Алёше, исполнилось четырнадцать лет, а младшей, Анюте,— годик. Дети с аппетитом ели жареную картошку с парным молоком. Только Алёша, подперев голову рукой, вяло нанизывал на вилку хрустящие ломтики. Ему совсем не хотелось есть. У него сильно болела голова.

«Ничего страшного, поболит и перестанет,— успокаивал он себя. — Не первый раз». Он еле дождался конца ужина. Ему хотелось побыстрее отправиться в свою комнату, зарыться головой в подушку и ничего не слышать и не видеть.

Родители Ивневых уехали в отпуск, и за детьми присматривала мамина сестра — тётя Клава. С ней было интересно: вечерами она читала рассказы, на ужин, по просьбе детей, всегда жарила вкусную-превкусную картошку. Однако Алёша с нетерпением ждал родителей. Ему казалось, что при маме голова болела не так сильно...

Утром, как только первые солнечные лучи скользнули по стенам спальни, тётя стала будить школьников:

— Детки, доброе утро! Пора вставать!

Не прошло и часа, как Ивневы уже спешили в школу. На втором уроке у Алёши снова разболелась голова. Неприятная слабость расплывалась по всему телу. На большой перемене он пошёл в медпункт. Медсестра дала какое-то лекарство, и Алёше стало лучше. Вечером мальчик опять играл с детьми на улице.

А через несколько дней Алёше стало так плохо, что он не смог пойти в школу. Тётя Клава вызвала врача.

Осмотрев Алёшу, врач ничего особенного не обнаружил.

— Похоже, мальчик переутомился,— сделал он заключение.

Алёша с каждым днём чувствовал себя всё хуже. Обеспокоенная его здоровьем, тётя Клава пошла с ним в поликлинику. Мальчика сразу направили на обследование.

В больнице Алёше лучше не становилось. В ожидании результата анализов тётя Клава попросила церковь молиться о здоровье Алёши. Дома дети то и дело напоминали:

— Тётя Клава, давайте помолимся за Алёшу!

Каждый день, приходя в больничную палату, тётя Клава с затаённой тревогой ждала лечащего врача.

Наступила новая неделя. Проводив детей в школу, тётя Клава отправилась в городскую больницу. Алёша уже ждал её. В его больших глазах отражалась боль, когда он испуганно спросил:

— Я выздоровею?

Тётя Клава уклонилась от ответа. Она стала рассказывать, как прошло воскресное богослужение, подростковое общение, передала Алёше приветы от друзей, всех называя по имени. Затем поведала о домашних делах. На бледном лице Алёши появилась лёгкая улыбка.

После обхода тётя Клава пошла в ординаторскую. Как бы отвечая на её немой вопрос, главврач сказал:

— У Алёши организм молодой, сердце крепкое, будем надеяться, что он переборет болезнь.

Его слова насторожили тётю Клаву.

— Доктор, скажите правду, что с Алёшей? Мы — люди верующие и знаем, что без воли Божьей ничего

не случается в нашей жизни. Не скрывайте, скажите, что у Алёши?

Врач задумался.

— Утешительного мало. У мальчика сильно воспалены лимфоузлы,— медленно, с расстановкой произнёс он, потирая лоб. — Со своей стороны мы сделаем всё возможное...

— У Алёши рак? — полушёпотом спросила тётя Клава.

— Да,— ещё тише ответил доктор.

Узнав, что родители Алёши в отпуске, врач посоветовал срочно вызвать их.

Дрожащими руками тётя Клава достала платочек, вытерла лицо.

«Боже, будь милостив к нам!» — воззвала она, чувствуя, как сильно закололо сердце.

«Неужели дни его сочтены? — думала она, медленно шагая по аллее, усыпанной разноцветными листьями. — Он же ещё не покаялся... Как сказать ему о том, что скоро его жизнь прервётся?» — Переживания новой волной захлестнули её душу.

Алёша таял на глазах. День и ночь у его постели дежурила тётя Клава и, видя страдания племянника, тайком проливала слёзы. От болей Алёша протяжно стонал и даже ночью не мог уснуть. Уколы лишь на малое время снимали боль, и тогда мальчику удавалось забыться коротким, беспокойным сном.

Об Алёше постоянно молились братики и сестрички, а также вся церковь. Многие беспокоились о его спасении.

Предчувствуя, что его болезнь смертельна, Алёша со страхом думал: «Где я буду после смерти?» Эта мысль будоражила его сознание. Картины жизни одна за другой вставали перед его глазами, обжигая душу.

«Я же грешник! — думал Алёша. — Бог не может открыть мне вход в Своё Царство...»

Дни и ночи на больничной койке тянутся обычно неимоверно долго. Такими долгими были они и для Алёши. Рой мыслей, вперемежку с сильными болями, не давал ему покоя.

Алёше вспоминались подростковые общения. Руководитель подростковой группы убедительно призывал мальчиков и девочек убегать от греха и всем сердцем любить Бога.

Мальчик за свои четырнадцать лет успел сделать немало того, что сейчас так сильно угнетало его. Он хорошо понимал, что не может рассчитывать на вечную жизнь со Христом, потому что грехи стеной стояли между ним и Богом.

Спустя некоторое время Алёша стал убеждаться, что заболел неизлечимой болезнью.

— Тётя Клава, а что говорят врачи? Меня вылечат? Или я скоро умру?

Тётя Клава никак не могла осмелиться сказать Алёше то, что он непременно должен был узнать. Слёзы душили её, язык не слушался. Долго смотрела она на его измученное болезнью лицо и просила у Господа силы сказать правду, ведь Алёша должен успеть примириться с Богом!

* * *

Наступившая ночь была звёздная. Большая яркая луна мягким светом освещала палату.

«Может, это моя последняя ночь на земле? — думал Алёша, глядя в окно ничего не видящими глазами. — Но я не хочу умирать! Мне очень хочется жить!.. А если я всё же умру, где я буду после смерти? Примет ли меня к Себе Иисус?»

И вдруг страшная мысль пронзила его сознание: грешники Царства Божьего не наследуют!

«Значит, я не попаду к Иисусу?» — ужаснулся Алёша и тут же стал вспоминать то, что делал наперекор родителям, воспитателю подростковой группы. Как ему хотелось порой жить так, как неверующие одноклассники!..

Алёша чуть слышно позвал задремавшую на соседней кровати тётю.

Она тут же подскочила к нему.

— Тётя Клава, я хочу покаяться...

— Молись, Алёшенька... — тут же упала она на колени у его кровати.

— Боже, прости меня, грешника! — заплакал Алёша. — Прости за то, что я много раз обманывал,

говорил плохие слова, обижал младших, воровал. Мне часто хотелось посмотреть кино, а также непристойные картинки у мальчиков... — Алёша перевёл дыхание. — Дорогой Иисус, я люблю Тебя и очень хочу жить с Тобой на небе! Прошу, Господь, очисти моё сердце Твоей драгоценной Кровью. Я верю, что Ты умер за мои грехи...

Приглушённо рыдая, тётя Клава благодарила Бога за спасение Алёши. Она твёрдо верила и знала, что Бог прощает кающихся.

В ту ночь Алёша спал спокойно. Его лицо светилось миром и покоем.

Едва забрезжил рассвет, Алёша открыл глаза. За окном, радуясь заре, птицы подняли разноголосый гомон.

— Как тебе спалось? — участливо спросила тётя Клава.

— Хорошо,— слабо улыбнулся Алёша. — Тётя Клава, теперь я знаю, что Иисус меня любит! — Большие впалые глаза мальчика сверкнули счастьем. — Он простил мне все грехи! Теперь мне совсем не страшно умирать... Как хорошо, что на небе у меня уже ничего не будет болеть!

— Да, на небе у тебя ничего не будет болеть,— тётя Клава нежно пригладила Алёшины волосы. — Там всё не так, как здесь... И там мы все соберёмся, Иисус возьмёт нас к Себе. Тебя вот раньше нас Господь хочет забрать...

Алёша задумался.

— Я так соскучился по папе и маме,— сказал он, помолчав. — Когда они приедут?

— Завтра, Алёша, а может быть, сегодня ночью.

Новый день в палате Алёши Ивнева начался с благодарственной молитвы. Несмотря на болезненную

бледность, Алёша светился от счастья. В его глазах отражался глубокий покой. Глядя на него, тётя Клава и сама воспрянула духом. Вполголоса она запела:

Быть лицом к лицу с Иисусом,
Видеть свет Его очей —
Вот к чему душой стремлюсь я,
Что дороже жизни всей.

Алёша слабым голосом, почти шёпотом, подпевал:

Я лицом к лицу увижу
В небе Господа Христа...

В это время в палату торопливо вошли родители.

— Папа! Мама! Я вас так ждал! — протянул руки Алёша.

Мама долго не могла оторваться от похудевшего до неузнаваемости сына, сжимая его в объятиях. Чего только не передумал за эти минуты отец, теребя чёрные волосы своего первенца!

«Господь решил переселить его в лучшее место»,— подумал он в трепетном волнении.

Это было смиренное согласие с волей Господа.

— Папа, забери меня домой,— попросил Алёша. — Мне так хочется увидеть всех! Я хочу рассказать дома, что Иисус меня простил и ждёт на небе... — Алёша перевёл дыхание. — И ещё я хочу увидеть нашу улицу, двор, где мы играли, наш дом...

Домой Алёшу повезли на легковой машине. Отец медленно проехал по центральной улице города, повернул к молитвенному дому и въехал на родную улицу.

Алёша попрощался со всеми, кто пришёл его навестить, и засвидетельствовал им о своём спасении.

В тот же день навеки спасённый Алёша ушёл к ожидавшему его Иисусу.

Как Турия праздновала Рождество

БЫЛ вечер, когда Турия и её отец размеренным шагом поднимались по склону горы. Впереди показалась родная деревня, залитая золотыми лучами заходящего солнца. Девочка крепко сжала руку отца.

Справа от селения виднелись длинные цепи высоких скалистых пиков и бурых холмов. На деревушку быстро опускалась ночная мгла. На тропинке, по которой шли усталые путники, тусклым светом горели светлячки. В это время, когда на крыши домов опускалась ночь, мама обычно прямо из печи ставила на стол ужин — тушёного кролика и горячий домашний хлеб.

Турия шла рядом с отцом и думала о том, узнает ли её маленькая Рашида.

«Ей было всего два года, когда я в последний раз была дома,— размышляла девочка,— надеюсь, она не забыла меня. Но если Рашида и не вспомнит меня, то наша собака Масад непременно узнает!»

Мысль о Масаде напомнила Турии и о других обитателях фермы — о шести козах, двух костлявых коровах и о тощем чёрно-белом коте. Девочка думала, что они всё ещё там и ничего не изменилось с тех пор, как она покинула дом. Ей хотелось спросить об этом у отца, но она решила: «Нет, лучше не буду спрашивать. Немного подожду и всё увижу сама. Осталось совсем чуть-чуть...»

Немного в стороне от тропы деревенские девочки набирали воду из источника. Турия подбежала к ним.

Они быстро окружили свою ровесницу — единственную девочку во всей деревне, которая ходила в школу. У них было много вопросов.

— Ты расскажешь нам, чему научилась? Пожалуйста, Турия, мы очень хотим послушать! — наперебой просили девочки.

— Я с радостью расскажу вам всё,— пообещала Турия,— но сейчас мы с папой должны спешить домой.

«Эти девочки так же стремятся к знаниям, как и я,— думала Турия, поднимаясь по холму, за которым ютился их дом. — О, если бы они могли ходить в школу!..»

Турия вспомнила, как она, ещё совсем маленькая, сильно хотела пойти в школу и однажды убежала из дома в мечеть вместе с мальчиками. Они тогда обсмеяли её, а старый бородатый учитель пригрозил наказать хлыстом. Как она испугалась! Она в слезах прибежала домой, а мама тогда ей просто улыбнулась и дала кусочек лепёшки с мёдом. Потом мама велела пойти поиграть с козами и забыть про школу. И Турия играла с козами и целыми днями носилась с ними по склону горы. Но она никогда не забывала про школу. Когда её старший брат нашёл в городе работу в больнице при миссии, он вспомнил желание сестры и упросил миссионеров принять Турию в школу, которую они организовали.

Девочке со спутанными чёрными кудрями и почти круглым лицом было всего шесть лет, когда она пошла учиться. Теперь же это была красивая, стройная тринадцатилетняя девочка с толстыми косами и тёмными застенчивыми глазами. Семь лет она прожила в городе, но, несмотря на это, поднималась по крутому косогору всё так же грациозно и легко, как истинная горянка. Турия отличалась от деревенских девочек тем,

что умела читать, писать, шить, а главное — говорить по-английски. Она знала много того, чего не знали остальные девочки.

Турия была уверена, что её деревня нисколько не изменилась и что, когда её вновь окружат холмы и долины, она забудет все различия и быстро возвратится к прежнему образу жизни.

В деревне и в самом деле ничего не изменилось, только появилась ещё одна могилка на склоне холма да новая колыбелька под соломенной крышей.

Турия бежала впереди отца, преодолевая последний косогор. На небе зажглись первые звёзды. Увидев Турию, Масад с радостным лаем помчался ей навстречу. За ним бежали младшие братья и сёстры Турии. Потом Турия увидела маму — она тоже выскочила навстречу, хотя её руки были в тесте — она месила хлеб.

Прошло всего несколько минут, как Турия, очутившись дома, принялась чистить картошку и раздувать потухшие угли. Мама внимательно наблюдала за старшей дочерью. Если бы не подержанная европейская одежда, Турия ничем не отличалась бы от своих родных.

Переполненная радостью, она сидела у огня и, держа на коленях Рашиду, восхищалась простой деревенской пищей, смеялась в ответ на шутки и с нетерпением узнавала все новости. Семья проводила счастливый вечер вокруг большой глиняной чаши с тушёной дикой куропаткой. Всё было хорошо и, кажется, как обычно...

И всё же было что-то, о чём не знал никто, кроме Турии. От радости, что вернулась домой, она почти забыла об этом. И только ночью, лёжа на циновке рядом с быстро уснувшей Рашидой, Турия вспомнила о своей тайне. Был канун Рождества, и на всём этом

спящем холме Турия была единственным человеком, который вспомнил об этом и для которого это событие вообще что-то значило. Если бы Мария пришла этой ночью в их деревню, то только одна Турия открыла бы двери своего дома, чтобы приветствовать новорождённого Спасителя.

Турия хорошо знала рождественскую историю. В этой затерявшейся в горах деревне лишь одна она любила Иисуса и желала отметить день Его рождения, но совсем не знала, как это сделать.

Лёжа на полу в темноте, Турия решила: «Завтра встану рано, когда ещё будут сверкать рождественские звёзды и скот будет спать в стойлах, поднимусь на холм и прочитаю эту историю из Нового Завета...» Турия вспомнила, как тщательно она спрятала в своём багаже Новый Завет на английском языке. Она не посмела взять с собой Евангелие на арабском, потому что никогда не говорила родным, что читает его и верит в то, что в нём написано. Отец мог бы, увидев эту книгу, порвать её. Никто из членов семьи не знал английского, так что Турия могла беспрепятственно читать свою маленькую книжечку в чёрном переплёте. Девочка спокойно заснула, представляя себе небеса, распростёртые над её родными холмами, и ангелов, поющих о мире и благоволении к людям, живущим в рассыпанных по всей земле деревнях.

Проснулась Турия рано, ещё до рассвета. Бережно убрав руки Рашиды со своей шеи, она нашла свой узелок, достала из него безрукавку и Новый Завет. Никто даже не пошевельнулся, когда девочка отодвинула задвижку на двери и выскользнула на улицу. Масад принялся было лаять, но тут же замолчал, увидев Турию. Девочка сняла с его шеи цепь, и он, обнюхав хозяйку, побежал рядом с ней. Турия быстро поднималась

по освещённому восходом склону холма, жадно вдыхая утренний аромат, ступая по холодной росе... Турия спешила на пригорок, возвышающийся над деревней. С него, повернувшись на восток, можно было видеть, как восходит над горными цепями солнце.

День быстро вступал в свои права, и на небе тускнели и гасли звёзды. Достигнув вершины холма, девочка села, обняла за шею Масада и стала ждать, когда взойдёт солнце.

Турия осторожно открыла Новый Завет. Она знала, что рождественская история записана в начале одного из Евангелий, но не могла вспомнить, в каком именно. Поэтому она решила читать начало каждого Евангелия. Она прочитала о звезде у Матфея, о яслях и пастухах у Луки. У Марка вообще о рождении Христа ничего не было сказано. Открыв Евангелие от Иоанна, Турия обнаружила отрывок, настолько глубокий по своему содержанию и к тому же настолько простой, что она несколько раз перечитала его.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

Турия огляделась. Поднимающееся из-за гор солнце щедро рассыпало по земле свои золотые лучи. Свет! Он заливал всю окрестность, темнота была полностью поглощена, всё было ясным и сияющим. Горные холмы, которые несколько часов назад скрывались во мгле, теперь переливались быстро сменяющимися красками.

Турия ясно понимала, что для неё значило пришествие в мир Иисуса Христа. Он осветил её сердце, указал ей путь к Богу, и она пошла по нему робкими, несмелыми шагами. Теперь она поняла, что это одинокая, пустынная дорога, по которой ей, возможно, придётся идти совсем одной, без друзей и родных...

Масад понюхал открытую страницу. Турия отодвинула его нос в сторону и продолжала читать: «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир чрез Него нáчал быть, и мир Его не познал. Пришёл к своим, и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его...»

Турия окинула взглядом долину, в которой раскинулась её деревня.

«Там никто ничего не знает о Христе,— думала она. — Он пришёл к ним, но они Его не приняли».

Турия вспомнила день, в который приняла Иисуса. Это было три года назад. Ей было всего десять лет, но она уже хорошо понимала, что следовать за Христом ей будет нелегко. Турия знала, что даже родные отвернутся от неё, если она станет христианкой, но тогда мысль об этом не тревожила её так сильно, она просто решила никогда не говорить им об этом.

Теперь же Турия была в растерянности. «В мире был... Он возлюбил мир и за него умер... а мир Его не познал». Люди в деревне не знали Его, потому что никто никогда не сказал им о Нём. Как грустно, что Христос пришёл к ним напрасно!

Её мысли прервал мальчишеский крик. То восьмилетний Хасан бежал к сестре на вершину холма. Он был маленьким и смешным. Турия наблюдала, как он приближался к ней.

— А я искал тебя! — задыхаясь проговорил Хасан. Его щёки горели. Он упал на землю и положил голову на колено сестры.

— Турия, я так долго искал тебя! Как только проснулся, хотел попросить, чтобы ты рассказала какую-нибудь историю. Но твоя циновка была пустая! Я обежал весь двор, но тебя нигде не было. А потом я посмотрел на холм и увидел тебя и Масада! Что ты читаешь?

— Книгу,— смущённо ответила Турия. — Сегодня Рождество. Господь Иисус пришёл в мир, но для Него не нашлось места. Я расскажу тебе эту историю из моей Книги, Хасан. Я расскажу тебе об Иисусе...

Солнце уже поднялось, а Турия всё ещё рассказывала о той любви, которая привела Спасителя на землю.

— Почему же Он родился в хлеву? — с нотками недоумения в голосе спросил Хасан.

— Потому что в гостинице не нашлось для Него места,— ответила Турия.

— Я дал бы Ему свою циновку... Турия, а зачем Он приходил на землю?

— Ты маленький, а задаёшь много вопросов! — улыбнулась Турия и потрепала брата за волосы. — Помнишь, что сказал ангел пастухам? «...Не бойтесь;

я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель...» Это означало, что Иисус спасёт людей от грехов. Грехи — это то плохое, что мы делаем, Хасан... Это ложь, воровство, непослушание родителям. Бог ненавидит грех. Он хочет освободить нас от всякого греха. Для этого Он и послал в мир Иисуса Христа. Он рос, как все дети, но был Богочеловеком и в Нём не было греха. Иисус исцелял больных. Однажды Он накормил пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбками, представляешь?! Он любил мальчиков и девочек, брал их на руки и благословлял их...

— Мне хотелось бы увидеть Его! — нетерпеливо перебил Хасан.

— Господь Иисус делал много прекрасного для людей. Мой учитель называл это чудесами. Хасан, ты думаешь, что все любили Его и верили, что Он Сын Божий? — Турия на мгновение замолчала. — Нет! Некоторые ненавидели Его за то, что Он называл Себя Сыном Божьим. Они пытались избавиться от Него. — Турия открыла Книгу и прочитала: — «Пришёл к своим, и свои Его не приняли».

Жестокие люди пригвоздили Иисуса ко кресту,— продолжила Турия. — Они говорили Ему ужасные слова, но Господь Иисус сказал: «...Отче! прости им, ибо не знают, что делают...» Два разбойника были распяты с Ним. Один отверг Его, то есть не поверил в Него. А другой разбойник принял Его. Он поверил, что Иисус — Сын Божий и может спасти его.

Иисус умер за грехи людей. Он умер за меня и за тебя, Хасан. Добрые люди сняли Его тело с креста и положили в гробницу. Но Он не остался лежать в гробе! На третий день Иисус воскрес! Женщины и ученики видели Его живым! А через сорок дней Господь Иисус

вознёсся на небо. Он и сегодня жив и находится на небе, Хасан. Он по-прежнему любит людей, но наш народ не знает Его. Хасан, я буду читать тебе эту Книгу, и мы с тобой будем следовать за Ним по Его пути...

Хасан посмотрел на Турию ясными, восторженными глазами. Ему было очень приятно находиться рядом с сестрой. Ещё бы! Старшая сестра выбрала именно его, чтобы с ним пойти по необычному пути в небо.

Вдруг Турия и Хасан вспомнили, что ещё ничего не ели и что время завтрака уже давно прошло. Они вскочили и побежали домой.

Весь день Турия была занята. Она переоделась в старое домашнее платье и, сидя на полу, долго месила тесто. Потом она сходила за водой к деревенскому колодцу, подоила коров, побелила входную дверь. Её мама всё удивлялась, как она раньше справлялась без Турии.

К вечеру Турия общипала двух кур, так как на ужин должны были прийти двоюродные сёстры и брат, чтобы отпраздновать её возвращение домой.

Землю окутывала тишина зимнего вечера. Сидя на ступеньке под старой маслиной, которая росла у самой двери, Турия думала о Рождестве, напевая рождественскую песню, выученную в школе:

Тихая ночь, дивная ночь!
К небу нас Бог призвал,
О, да откроются наши сердца
И да прославят Его все уста,
Он нам Спасителя дал.

Турия радовалась тому, что целый день помогала уставшей матери, вместо того чтобы посещать соседей, как она планировала. В конце концов, может быть, так тоже можно было отпраздновать Рождество?!

Шумный смех и разговоры за колючей изгородью положили конец её раздумью. Через несколько мгновений прибыли дядя и тётя с двумя дочерями и младшим сыном Амином. В это время пришёл Хасан. Он пригнал с пастбища коз, в сумерках их глаза светились зелёным светом.

Когда все собрались, на раскалённых углях уже весело бурлил котелок. Хижину наполняли аромат тушёного мяса и непрекращающийся гул. Все были рады увидеть Турию. Девочки шумно суетились вокруг неё. Когда ужин подошёл к концу и удовлетворённые беседой люди замолкли, воцарившуюся тишину прервал звонкий голос Хасана:

— Турия, расскажи нам историю, которую ты рассказывала мне сегодня утром! Про Иисуса, родившегося в яслях, и про ангелов, которые пели пастухам...

Последовала напряжённая пауза. В этом строгом мусульманском доме было нежелательно произносить имя Иисуса. И тогда заговорил двоюродный брат Турии. В его тёмных глазах блеснуло восхищение.

— Да, Турия, расскажи,— сказал он тихо. — Мне давно хотелось узнать, чему тебя там учат. Ты никогда об этом не говорила, но, наверное, многое узнала за все эти годы.

— Турия — мусульманка,— торопливо заговорил отец. — В школе она обучалась не религии, а грамоте.

Турия сидела не шелохнувшись. «Пришёл к своим, и свои Его не приняли»,— с печалью подумала она.

В комнате стало необычайно тихо. Все по-прежнему сидели вокруг огня. Турия думала об Иисусе. Она представляла себе, что Он сейчас стоит в их хижине любящий, но одинокий и отверженный. Турия знала, чего это может ей стоить, если она станет рядом с Ним. Но она не могла оставить Его...

Родственники с любопытством ждали ответа. Взглянув на них, Турия просто и живо стала рассказывать, начав с того, как Марии явился ангел.

— Он сказал, что рождённый Младенец наречётся Сыном Божьим. Он спасёт людей от грехов...

Женщины нервно заёрзали. Мужчины обменялись гневными взглядами.

— Какой вздор! — выпалил отец. — Перестань говорить чепуху, Турия! Наверное, мне придётся забрать тебя из школы...

Турия заколебалась. Это было так легко — отступить и оставить Иисуса одного. Но Турия хотела быть тем человеком, который принял Его в своё сердце.

— Я верю, что всё это правда,— запинаясь, проговорила она. — Я... я... христианка.

Сказав это, она замерла, ожидая шторма, который вот-вот должен был разразиться. Но ничего страшного не произошло. Несомненно, у отца было что сказать, он просто не хотел стыдить её при двоюродных сёстрах и брате. Но для Турии было достаточно воцарившегося молчания. Она быстро встала и, подавляя в себе рыдания, выбежала за дверь.

Пробежав немного вверх по холму, Турия упала на землю и разрыдалась. Она не думала, что её могут забрать из школы, ведь учёба давала так много преимуществ...

Турия знала, что навсегда воздвигла непреодолимую стену между собой и родными. Возможно, внешне всё будет так, как и раньше. Но глубоко внутри она сознавала, что навсегда останется одинокой и отверженной родными, как и её Спаситель. «Они не приняли Его...» Турия сделала всего лишь один шаг вперёд, но поворачивать назад ни за что не хотела. Она стала рядом с Господом Иисусом Христом.

Турия долго лежала на земле. Ночная тишина окутала и её, и сквозь слёзы она увидела, как с неба ей подмигивают звёзды, не знающие тревог и душевных переживаний. Вдруг послышались торопливые шаги, и в следующее мгновение возле неё уже сидел Хасан.

— Мне понравилась твоя история, Турия,— преданно заявил он, вложив свои горячие, липкие руки в её ладони. — И Амину тоже понравилась. Он собирается купить такую книгу, как у тебя, и читать её. Я тоже буду, как ты. Ты можешь рассказывать мне истории каждый день, когда я буду пасти коз. А сейчас пойдём домой, родственники хотят попрощаться.

Глубокий мир наполнил сердце Турии, и она больше не боялась. Она выбрала нелёгкий, одинокий путь, но, может быть, Хасан тоже пойдёт рядом с ней...

По крайней мере, она уже привела его к яслям, где лежал непризнанный Младенец.

Так Турия отпраздновала Рождество.

Дорога в небо

Подруга

ОДНАЖДЫ Гайят торопливо шла по грязной дороге в лавку своего отца-медника в небольшом селении в Сирии.

Солнце уже почти достигло зенита, а это было время для полдневного призыва к молитве. Она уже видела не так далеко мечеть — место, где магометане исполняли свои религиозные обряды.

Отец Гайят был важным человеком в этом селении, и его обязанностью было призывать к молитве. Четыре

раза в день он поднимался по лестнице в минарет и на вершине башни под куполом выкрикивал: «Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет — пророк его!»

Когда верные мусульмане слышали этот призыв, они тотчас становились на колени на специальные коврики и молились. И всегда они становились лицом по направлению к городу Мекка, который мусульмане считают своим священным городом и который находится в Аравии.

Гайят знала, что надо принести отцу завтрак к тому времени, когда он окончит призыв и закончит собственную молитву, и потому торопилась.

Неожиданно она увидела какую-то женщину и девочку. Женщина несла что-то похожее на чёрную доску и длинный ящик, выглядевший так, будто там находилось ружьё. Когда они подошли ближе, Гайят узнала в девочке свою подругу Муну.

— О, Гайят,— воскликнула Муна,— я рада видеть тебя. — Это тётя Мария. Знаешь, она очень хорошо рассказывает истории.

— Мне нравится слушать истории,— ответила Гайят.

— Хорошо, тогда приходи к нам домой после обеда, и тётя Мария будет рассказывать нам интересные истории.

Гайят посмотрела на длинный ящик в руках тёти Марии и быстро опустила глаза, чтобы женщина не видела этого.

— А ещё мы будем петь,— сказала тётя Мария,— приводи своих друзей.

— Я не собираюсь приводить своего меньшего брата,— заявила Гайят. — Он всегда шпионит за мной и доставляет мне одни неприятности.

В этот момент с минарета послышался громкий

призыв к молитве: «Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет — пророк его!»

— О,— вскрикнула Гайят. — Отец уже призывает к молитве. Мне надо торопиться, чтобы принести ему завтрак, а то я опоздаю к своей молитве.

И хотя Гайят знала, что должна торопиться, всё же она ещё помедлила и спросила:

— А что в этом ящике? Там ружьё?

Женщина, которую Муна называла тётей Марией, засмеялась:

— Нет, девочка. Там не ружьё. Это что-то такое, что помогает мне рассказывать истории. Приходи сегодня и увидишь.

— Я приду,— крикнула Гайят уже на полпути.

Она поспешно спускалась по дороге, ведущей в лавку её отца.

Подобно всем другим лавкам в селении, она имела только три стены и была открыта со стороны улицы. Здесь её отец делал и продавал медные горшки и сковородки. Он уже возвратился сюда из мечети.

— Почему ты пришла так поздно, Гайят? — спросил он. — Теперь тебе надо торопиться домой, чтобы помолиться.

— Меня остановила Муна и пригласила к себе после обеда,— объяснила Гайят.

Однако девочка ничего не сказала о женщине,

которая рассказывает истории. Она не была уверена, что её отец захочет, чтобы она слушала какие-то истории в доме Муны. Муна и её семья не были мусульманами. Они посещали единственную в селении христианскую церковь.

Большинство жителей селения, где жила Гайят, исповедовали мусульманскую религию. А все другие люди, которые не были мусульманами или евреями, назывались христианами.

Гайят в действительности мало знала о том, во что верят христиане, но её отец называл их «язычниками», что означает «неверующие». Вообще все мусульмане называли тех, кто верил не так, как они, «язычниками» или «неверующими».

И хотя её отец позволял ей играть с Муной, Гайят была уверена, что ему не понравилось бы, если бы она слушала какие-то истории в её доме.

Но сейчас отец даже не спросил её, что она собирается делать. Он сказал только:

— У тебя остаётся мало дней, чтобы играть, Гайят. Тебе уже семь лет, и через две недели, когда закончатся каникулы, ты пойдёшь в школу.

— Мне не очень хочется ходить в школу,— ответила Гайят. — Мне кажется трудно сидеть весь день в здании и заниматься. Но я очень хочу научиться читать и писать.

— Тебе надо очень внимательно слушать своих учителей,— предупредил её отец,— особенно того, кто учит нашей священной книге, Корану. Я надеюсь, что ты изучишь весь Коран, как и Надер, когда он пойдёт в школу. Какой у нас будет праздник, когда он научится всему!

Гайят нахмурилась.

— Почему у нас не может быть большого праз-

дника, когда я изучу весь Коран? — спросила она. — Почему мальчишки намного важнее девочек?

Её отец только засмеялся в ответ. Потом он стал серьёзным и велел ей поторопиться домой, чтобы произнести свои молитвы.

Но, когда Гайят бежала домой, она была недовольна, что люди считали её брата более важным, чем её.

— А я ведь на два года старше,— бормотала она про себя. — Когда мы играем вместе, Надер всегда поступает по-своему. Он всегда ходит за мной по пятам, когда я хочу играть со своими друзьями, например, с Муной. А если я не беру его с собой, он шпионит за мной. Иногда он даже наговаривает на меня неправду и делает мне таким образом неприятности. Но сегодня я не намерена позволить ему идти со мной в дом Муны.

Немного позже Гайят сидела с группой других детей в доме Муны.

Там же была тётя Мария с чёрной доской и с ящиком, похожим на ящик с ружьём.

Гайят внимательно наблюдала, как тётя Мария распаковывала его. В нём была какая-то штука, которую тётя Мария назвала мольбертом. Это были три длинные палки, скреплённые вместе на одном конце.

— Вот такое моё ружьё,— сказала она, улыбнувшись Гайят. — С ним я «охочусь» на мальчиков и девочек, которые, подобно тебе, хотят слушать библейские истории.

Она раздвинула три палки, поставила на пол и закрепила маленькой поперечиной две передние. Потом она установила на поперечину ту чёрную доску и покрыла её какой-то мягкой материей. Тётя Мария сказала, что это фланель и что она называет эту доску своим фланелевым столом.

Сначала тётя Мария научила их песне, потом

прочитала из Библии, из Книги Бытие, самый первый стих: «В начале сотворил Бог небо и землю».

И в то время, как она говорила, она поставила на доску картинки.

Она рассказывала детям, как Бог сотворил землю и всё, что на ней, за шесть дней и потом отдыхал в седьмой день недели, в субботу.

Гайят удивилась, почему Муна и другие люди в христианской церкви проводили богослужение в воскресенье, первый день недели, а евреи — в седьмой день. Мусульмане же шли в свою мечеть для служения после обеда в пятницу. А перед тем они мыли лицо, руки и ноги. Да, эти христиане безусловно отличались, у них всё было по-другому.

Тем не менее Гайят очень понравилась эта история, и она обещала приходить каждый день в оставшиеся дни недели.

На следующий день история была об Адаме и Еве, первых двух людях, которых сотворил Бог, и о том, как они согрешили против Бога.

Тётя Мария прочитала 23-й стих из 3-й главы Послания к Римлянам: «Потому что все согрешили и лишены славы Божией».

Она пояснила, что это значит, что все мальчики и девочки в этой комнате тоже согрешили против Бога. Гайят совсем не понравились эти слова. Она знала, что грешит против Бога, когда ревнует своего меньшего брата. И она также вспомнила, что много раз говорила маме неправду и не слушалась своего отца. «Но в основном,— сказала она себе,— я стараюсь быть хорошей и послушной дочерью».

Раньше Гайят учили, что ангелы на небе записывают все хорошие и плохие поступки, какие она делает. Если она будет достаточно хорошей, то сможет пойти

на небо. Поэтому сейчас она не особенно обращала внимание на то, что тётя Мария рассказывала о том, что Бог сделает с грехом.

На третий день тётя Мария начала рассказывать историю об Аврааме.

— Я знаю, кто он,— возбуждённо заговорила Гайят. — Он отец Измаила, а Измаил был отцом арабского народа.

— Он был также отцом Исаака,— объяснила тётя Мария. — Еврейский народ произошёл от семени Исаака, а арабский народ — от Измаила, и они оба были сыновьями Авраама. Да, Авраам был очень значительным лицом,— продолжала тётя Мария,— но завтра я расскажу вам о Том, Кто намного значительнее Авраама.

«Кто может быть важнее Авраама? — удивлялась Гайят. — Мы, мусульмане, верим, что Магомет был величайшим Божьим пророком. Может ли быть кто-то ещё важнее?»

На следующий день, как только Гайят произнесла свои полуденные молитвы, она поспешила в дом Муны, чтобы опять занять первое место. К этому времени она уже могла петь христианские песни так же хорошо, как Муна, которая обычно пела их в церкви.

Когда все приготовились слушать новый стих из Библии, тётя Мария сказала:

— Сейчас я хочу научить вас одному из самых важных стихов в Библии. Это Иоанна 3, 16: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».

«О,— подумала Гайят,— Библия говорит, что Бог любит нас. Хм-м. Никто до этого не говорил мне об этом».

Гайят внимательно слушала тётю Марию, которая

рассказывала о том, как в Вифлееме родился Иисус. Другие истории она частично уже слышала раньше, потому что мусульмане верят, что Бог, Которого они называют Аллахом, сотворил мир и сотворил Адама и Еву. Она тоже слышала об Иисусе, но её учили, что Он был одним из пророков. Теперь же тётя Мария рассказывала мальчикам и девочкам, что Иисус больше, чем пророк. Он — Божий Сын. Но люди не поверили, что Иисус — Божий Сын, и пригвоздили Его ко кресту. Там Он пролил Свою Кровь и умер, чтобы взять на Себя наказание за все наши грехи.

Потом тётя Мария сказала:

— Чтобы попасть на небо, надо поверить, что Господь Иисус умер за наши грехи, и принять Его своим Спасителем.

Всё это было так странно и не похоже на то, чему раньше научили Гайят.

Но ещё более странным было то, что Библия говорит, что Иисус не остался мёртвым. После трёх дней Он воскрес и вознёсся на небо.

Перед самым концом рассказа послышался громкий кашель в соседней комнате. Гайят обернулась, чтобы посмотреть, кто это. Сердце у неё упало! Это был её брат, Надер! Когда он пришёл? Что он слышал?

Надер не мог перестать кашлять, он вышел из комнаты и больше не вернулся.

Тётя Мария сказала детям, что, кто хочет принять Иисуса Христа своим личным Спасителем, пусть останется, когда другие уйдут. Гайят очень хотела, чтобы занятия поскорее закончились, потому что хотела поговорить с Муной.

Но когда она повернулась, чтобы подойти к Муне, то увидела, что её подруга разговаривает с тётей Марией, которая что-то читала ей из Библии.

Потом Гайят увидела, как они встали на колени, чему она очень удивилась. Она предположила, что они молятся.

Когда они закончили, Муна позвала Гайят:

— Иди сюда, Гайят. Я только что родилась свыше в Божью семью. Теперь я христианка.

— Я думала, ты уже христианка, потому что ходишь в христианскую церковь,— проговорила Гайят.

— То, что человек ходит в церковь, не делает его христианином,— сказала тётя Мария. — Нужно поверить, что Иисус Христос, Божий Сын, умер за твои грехи, и принять Его в своё сердце личным Спасителем.

— Вот это я и сделала только что,— объяснила Муна. — А ты не хочешь тоже принять Его?

— О, мне не нужно этого,— пожала плечами Гайят. — Я хорошая мусульманка и говорю свои молитвы пять раз в день, как и должно. И мой отец обещал взять меня в Мекку, наш святой город, как только Надер немного подрастёт.

Как только она упомянула имя своего брата, у неё перехватило горло.

— О, меня ждёт большая беда. Вы видели, когда вошёл мой брат?

— Он вошёл, когда я только начала рассказывать,— ответила тётя Мария.

— Он опять следил за мной! — воскликнула Гайят. — Он уже, возможно, в лавке моего отца и рассказывает ему всё, что слышал. Отец очень рассердится на меня, я знаю. Может, я успею догнать Надера.

И Гайят изо всех сил побежала к лавке отца. Но она не успела. Надер был уже в лавке. И отец был очень сердит.

Она повернулась и хотела убежать домой, но отец позвал её:

— Гайят, иди сюда!

Дрожа, она медленно подошла к лавке. Что отец сделает с ней?

— Гайят, что ты делала в доме Муны каждый день? — спросил Абу-Надер.

— Я играла с ней,— ответила Гайят, вспомнив, что она действительно оставалась после библейских занятий, чтобы поиграть.

— И это всё? — требовательно спросил Абу-Надер.

У Гайят перехватило дыхание. Она знала, что ей надо сказать о библейской школе, потому что Надер выследил её.

— Перед тем как играть, мы слушали историю, которую нам рассказывала одна женщина в доме Муны,— призналась она.

— Какую историю? — хотел знать Абу-Надер.

— Первая история, в понедельник, была об Аллахе, создавшем мир,— ответила Гайят.

Абу-Надер согласно кивнул головой:

— Это правда. Я ничего плохого не вижу в этой истории.

— Другая история была об Адаме и Еве и о том, как они не послушались Аллаха. Я помню, как вы давно рассказывали мне эту историю,— сказала Гайят.

— Ты всегда должна слушаться Аллаха,— заявил Абу-Надер. — А вчерашняя история о чём?

— Об отце Аврааме. Вы тоже говорили мне о нём,— произнесла Гайят.

— Но сегодня история была об Иисусе Христе,— прервал Надер.

Абу-Надер кивнул опять.

— Иисус Христос — один из пророков,— сказал он.

— Учительница не так говорила,— настаивал

Надер. — Она сказала, что Иисус Христос — Божий Сын и тоже, значит, Бог.

— Тогда она не так верит, как мы. Она язычница! — закричал Абу-Надер. — Ты больше не будешь слушать истории той женщины. Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет — пророк его!

Абу-Надер был очень-очень рассержен. Гайят боязливо произнесла:

— Я верю тому, чему вы учили меня, отец.

— Смотри, продолжай верить так,— повелел он. — И больше не слушай никаких историй этой язычницы. — Он повернулся к сыну: — Надер, следи за ней и смотри, чтобы она повиновалась мне! — приказал он.

Когда Гайят уходила из лавки своего отца, она была сердита. Почему Надер всегда должен шпионить за ней только потому, что он мальчик! Ведь он на два года младше её, и тем не менее в семье он был важнее, чем она. Самый старший сын был настолько важный, что его отец и мать даже назывались его именем. Так имя её отца было Абу-Надер, что означало «отец Надера». А имя её матери было Ам-Надер, что означало «мать Надера».

При мысли о матери Гайят чуть не заплакала. Как же! Даже её мама, казалось, любит Надера больше, чем Гайят, и только потому, что он мальчик!

А вспомнив, что её отец запретил ей слушать истории в доме Муны, Гайят ещё больше рассердилась и расстроилась.

Как же, так она и послушается! Завтра будет рассказываться последняя история, и, наверное, это будет самая интересная история. Кроме того, она совсем не собирается пропустить её.

На следующий день Гайят отнесла завтрак отцу и, вручив его ему, быстро побежала домой, чтобы

сказать свои молитвы. Как она была научена, перед молитвой Гайят вымыла лицо, руки и ноги. Потом постелила коврик на полу и опустилась на колени лицом к городу Мекка. Мусульмане называют Мекку по-арабски своим святым городом, и когда молятся, то всегда обращаются лицом к Мекке.

Гайят произнесла молитвы, как научил её отец. Закончив, она убрала коврик и хотела идти, но в дверях стоял её брат.

— Куда ты направляешься? — спросил Надер.

— Я выйду и поиграю на улице,— сказала Гайят, пытаясь протиснуться в дверь мимо него. Для своего возраста Надер был большим и сильным. Он схватил руку Гайят и стал крутить её.

— Мама, иди скорее сюда! — закричал он.

Мать Гайят, Ам-Надер, быстро прибежала и стала разнимать детей.

— Ну, что вы не поделили на этот раз? – спросила она.

— Я хочу выйти на улицу, а он не пускает меня,— закричала Гайят.

— Она идёт в дом Муны, чтобы слушать истории той язычницы,— предупредил Надер. — Отец велел мне смотреть за ней и не пускать.

Гайят опустила голову и ничего не ответила. Она готова была заплакать.

— Ты не выйдешь из этой комнаты до самого вечера,— заявила Ам-Надер.

Потом повернулась к Надеру:

— Оставайся здесь и смотри, чтобы она не ослушалась.

Гайят возмущалась и негодовала, но ничего не могла поделать. О, как она хотела послушать последнюю историю! Может, Муна расскажет ей после.

Последняя неделя каникул прошла быстро. Та женщина ушла из города, и Гайят снова могла играть с Муной.

— Последний раз тётя Мария рассказала такую чудесную историю! — хвалилась Муна. — Ты помнишь, что Библия говорит, что Бог так полюбил всех нас, что отдал Сына Своего, Господа Иисуса, чтобы Он умер за наши грехи? — спросила она.

— О да,— ответила Гайят,— и Библия говорит, что Иисус воскрес опять и вернулся на небо.

— Это правда,— ответила Муна. — И когда-нибудь Иисус снова придёт на землю и заберёт Своих детей, тех, кто принял Его. А те, кто не приняли Его, останутся на земле, и для них будут тяжёлые дни и большие беды. После того Господь опять придёт в Иерусалим и будет там царствовать как Царь. И будет там мир.

— Арабы и евреи всё время воюют,— заметила Гайят. — Ты думаешь, они когда-нибудь помирятся?

— Тётя Мария сказала, что единственный путь иметь истинный мир — это поверить в Господа Иисуса Христа и принять Его в своё сердце как личного Спасителя. И я сделала это на прошлой неделе. Теперь я принадлежу к Его детям. Я родилась в Его семью. И сейчас всё по-другому. Я не хочу драться с моим старшим братом,— сказала Муна.

Гайят засмеялась.

— А я, я дерусь с моим братом. Может быть, если бы он был старшим, как твой, я бы не возражала, чтобы он всё время следил за мной.

— Мой брат, мама и папа знали, что они грешники, и они на прошлой неделе приняли Господа Иисуса как своего Спасителя от грехов, и теперь мы ладим друг с другом.

— Ну мы тоже ладили бы друг с другом, если бы Надер не шпионил за мной и не говорил неправду. Это не моя вина,— надулась Гайят.

— Но ты же помнишь, Гайят, что в Библии сказано, что все мы грешники.

— Давай будем играть,— прервала Гайят. — Вон идёт Надер.

Когда они пошли в школу, Гайят посадили вместе с Муной и двумя другими девочками на одной скамейке. В классе было сорок две девочки, и комната была переполнена. Все девочки были одеты в чёрную форму с большим белым воротником, а книги носили в маленьких кожаных сумках. Гайят нравилась их учительница, мисс Амал. Она всегда говорила приятным голосом, если только девочки не начинали шуметь и толкать друг друга. Гайят была довольна, что сидела рядом с Муной. Муна действительно изменилась с тех пор, как поверила в Господа Иисуса. Она не попадала в неприятные истории так часто, как другие, и Гайят была рада, что Муна её лучшая подруга.

Пожар

Гайят любила школу, потому что она училась там читать и писать. И потому, что она любила свою учительницу, на её уроках она всегда слушала очень внимательно. Но Гайят не любила учителя, который приходил к ним, чтобы обучать их Корану, мусульманской священной книге. Он задавал им учить из Корана длинные тексты. На этих уроках Муны не было, потому что она в это же время с другими несколькими девочками посещала христианские классы. И у них был другой учитель, который учил их по Библии.

Однажды, когда Гайят и Муна играли после школы, Муна дала Гайят небольшую книжечку.

— Береги её всю жизнь,— сказала Муна. — Её написал мой отец и напечатал их много-много в своей мастерской. Мы даём их только своим друзьям. Если их найдут, мы попадём в большие неприятности.

Гайят посмотрела брошюру.

— Я ещё не могу прочитать её,— сказала она.

— Тогда спрячь её хорошенько, пока не научишься читать лучше. В ней говорится о том, как найти истинный путь к Богу, на небо,— объяснила Муна.

— Но где я спрячу её так, чтобы никто не нашёл? О, знаю. Может быть, лучше спрятать её в мой коврик, на котором я молюсь?

— Смотри сама, но только постарайся спрятать так, чтобы никто не нашёл её,— ещё раз предупредила Муна.

Несколько дней всё было хорошо. Но однажды, когда она брала свой коврик, брошюра выпала и упала на пол. Но Гайят не заметила этого. Когда она уже

заканчивала свою молитву, в комнату вошёл Надер.

— Что это? — спросил он, подняв книжку.

У Гайят перехватило дыхание, она попыталась отнять её, но Надер выбежал из комнаты. Гайят побежала за ним, но Надер бежал быстрее. Она заметила, что он бежал к мастерской их отца. «О-о-о,— думала с тревогой Гайят. — Что будет?»

В тот вечер Гайят со страхом ждала прихода отца и думала, что он накажет её. Но он ни слова не упомянул о брошюре. Позже к ним в дом пришли несколько уважаемых человек, и, когда Гайят помогала матери прислуживать гостям, она слышала кое-что из их разговора. Один из них сказал:

— Опасно, что он здесь. Он старается сделать мусульман христианами.

— Надо сжечь всё это, тогда нам достанется его дом,— сказал другой.

На следующий день во время урока религии Гайят размышляла, о чём это говорили мужчины. Против кого они замышляли худое? И почему отец не бранил её за брошюру, которую дала ей Муна?

И внезапно Гайят подумала: «Те люди составляли план против отца Муны, потому что это он написал и отпечатал ту книжечку. Они собираются сжечь его мастерскую... и дом. Но когда? О, мне надо предупредить семью Муны. Но как? Сейчас Муна на уроке христианского обучения, и я не могу пойти туда...»

Гайят непроизвольно вздрогнула, когда учитель Корана сказал:

— Твоя очередь цитировать наизусть, Гайят.

Девочка совершенно не могла вспомнить, что она учила́ дома. Кроме того, она так углубилась в размышление о том, что замышляли те люди, что даже не знала, о чём спрашивает учитель, и она пробормотала:

— Я... я забыла.

Учитель пришёл в ярость.

— Девочку надо наказать,— сказал он мисс Амал. — Посадите её в подвал и закройте на замок.

Когда Гайят оказалась в тёмном сыром подвале и услышала, как закрывали дверь на ключ, она вздрогнула при мысли: «Сколько времени я буду здесь?» «А как же теперь предупредить Муну. А что, если про меня забудут? Что случится со мной?»

Но что это?

Гайят услышала какой-то шум. Крыса? Или кто-то ещё был здесь? Бедная Гайят. Кажется, никто не мог помочь ей. А Господа Иисуса она не приняла в своё сердце, и потому не знала, как попросить Его помочь ей. Возможно, она поверила бы в Него, если бы по-настоящему слышала о Нём и если бы больше внимания уделяла Библии, когда тётя Мария рассказывала библейские истории. Но на последнем уроке

ей не удалось быть, и книжечку, которую дала ей Муна, она не могла прочитать. Кажется, как будто враг души человеческой старался удержать её от того, чтобы она приняла Христа своим Спасителем.

Что же это? Гайят снова услышала шорох где-то в углу между ящиками. Это конечно же большая крыса. Гайят чуть не вскрикнула. Боясь, что, если она закричит, её ещё больше накажут и ей придётся оставаться в подвале ещё дольше, она сдержалась. Потом села на ящик, поджав под себя ноги. Если она будет сидеть совсем тихо, не шевелясь, то, возможно, крыса не увидит её.

Через потолок Гайят могла слышать, как девочки наверху рассказывали наизусть отрывки из Корана. Через некоторое время она услышала, как девочки уходили из школы. Конечно же сейчас кто-нибудь придёт и выпустит её. Но скоро наверху и снаружи всё успокоилось, и она поняла, что все, должно быть, ушли домой, даже её учительница.

Начало темнеть. Гайят не видела крысу, но слышала, как та шуршала между ящиками. Гайят начала плакать. У неё заболела нога, и она боялась сидеть одна в темноте.

Внезапно открылась дверь.

— Гайят, выходи, иди сюда,— тихо сказала мисс Амал.

Гайят быстро поднялась по ступенькам. Она увидела свою мать, стоящую на лестнице вместе с учительницей.

— Я посмотрю за тем, чтобы Гайят была более внимательной на уроках и чтобы учила отрывки из Корана,— сказала её мать.

По дороге домой Гайят спросила у матери:

— Как ты узнала, что я была в подвале?

— К нам после школы сразу же пришла Муна

и сказала, что тебя не было с ней, когда она шла домой после уроков. Она спросила у других девочек, и они сказали, что тебя наказали,— объяснила Ам-Надер.

— Я так рада, что Муна моя подруга,— сказала Гайят. — Она по-настоящему любит меня.

Вдруг Гайят вспомнила о заговоре сжечь дом Муны и мастерскую её отца.

— Можно, я ненадолго схожу домой к Муне и поиграю с ней? — попросила она.

— Нет,— ответила её мама,— ты должна оставаться дома и учить уроки.

— А если я хорошо выучу их, можно пойти к Муне? — настаивала Гайят.

— Я сказала нет, и всё,— твёрдо заявила Ам-Надер.

Гайят спокойно шла рядом с матерью. Но в душе она сильно беспокоилась: «Как же предупредить Муну? Может, я скажу ей завтра в школе. Но завтра уже может быть слишком поздно. А что, если они сожгут их дом сегодня ночью? Что делать?»

Весь вечер Гайят старалась думать об уроке из Корана, который ей надо было выучить. Но даже после ужина она не запомнила его. Надер играл в той же комнате, и Гайят знала, что мама опять велела ему следить за ней.

Внезапно они услышали сильный шум на улице. Подбежав к двери, они услышали громкий крик:

— Пожар!

— Где?

— Горит мастерская!

Все бежали в том направлении, и никто не обращал внимания на Гайят, которая тоже бежала по улице, чтобы увидеть, что там происходит.

Но Гайят бежала другой дорогой к дому подруги. Муна только что вышла из дома.

— Муна! — задыхаясь воскликнула Гайят. — Надо предупредить твою семью. Ваш дом тоже хотят сжечь! Они сердятся из-за тех брошюр, которые печатал твой папа.

— Папа и брат сейчас в мастерской, а мама дома с ребёнком,— объяснила Муна.

— Скажи твоей маме,— приказала Гайят. — А я найду твоего папу и брата и предупрежу их.

И Гайят изо всех сил помчалась к мастерской. Здание уже было охвачено огнём. При свете пламени она увидела в толпе своего отца и его друзей и Надера. Она оглядела толпу, ища отца Муны. Вот он, стоит в толпе и разговаривает с сыном. Гайят подбежала к нему.

— Скорее,— шепнула она,— они хотят сжечь ваш дом тоже.

Отец Муны взглянул на неё и, увидев испуганное выражение лица, повернулся к сыну и, взяв за плечо, шепнул:

— Пойдём.

Спокойно, но быстро отец и сын пробрались сквозь толпу и поспешили к своему дому. Едва они скрылись из вида, как Гайят услышала, как её отец закричал:

— Где этот язычник, который хочет обратить мусульман в христиан?

— Пойдём,— закричал другой человек,— к его дому и подожжём его!

— Кто хочет помочь нам? — закричал третий.

— Мы все! — закричали многие из толпы.

— Он не поклоняется Аллаху. Его надо наказать!

— Пойдёмте! — распорядился Абу-Надер.

Толкаясь и крича, вся толпа последовала за ним к дому отца Муны. Гайят тоже пошла... Но она шла в конце толпы, чтобы её не увидел отец.

— Выходи, ты, язычник! — закричал Абу-Надер.

Толпа ждала. Никто не появлялся. Абу-Надер подошёл к самой двери. Она была не заперта, и он вошёл. Через минуту он, разъярённый, вышел и закричал:

— Они скрылись. Должно быть, кто-то предупредил их.

— Может, пожар в мастерской был достаточным предупреждением,— заметил кто-то.

— Давайте разойдёмся по домам,— предложил ещё кто-то. — Если они в городе, то завтра мы найдём их.

Гайят изо всех сил побежала домой, чтобы отец не увидел её. Она быстро разделась и легла в постель. Из её глаз бежали слёзы. «О, как мне будет недоставать Муны. Она была моей лучшей подругой, а теперь, может, я никогда больше не увижу её,— всхлипывала она. — А хуже всего то, что всё это из-за того, что я выронила ту брошюру. Если я когда-либо увижу Муну, простит ли она меня?»

Как грустно было на сердце у Гайят. Наконец она в слезах уснула.

На следующий день люди уверенно говорили о том, что семья Муны не вернётся в дом, хотя никто не знал, где они.

Прошло некоторое время, и большинство забыли о них. Дядя Муны перестроил мастерскую.

До конца учебного года Гайят усиленно занималась в школе. Она подружилась с другими девочками, но всё же скучала по Муне.

Прошёл год. Прошёл другой. Гайят училась уже в третьем классе. Надер тоже пошёл в школу.

Теперь Гайят было десять лет, и она умела писать и читать. Она многое знала на память из Корана. Но часто думала о том, что слышала в классе тёти Марии.

Был ли Иисус Сыном Божьим, как написано

в Библии, или Он был просто пророком? Действительно ли Он оставил небо и пришёл на землю, чтобы умереть за грехи людей? Библия также говорила, что Божий Сын, Господь Иисус, был безгрешным. «Конечно,— думала Гайят,— если Он Сын Божий, Он никогда не может поступать неправильно. Но я так часто делаю то, что неправильно. Я не слушаюсь своего отца, говорю неправду, и иногда я просто ненавижу Надера». Гайят вздохнула. Как бы ей хотелось, чтобы здесь была Муна и объяснила ей, как это Иисус мог взять наказание за её грехи.

Однажды, когда Гайят пришла домой, она увидела, что её мама плачет.

Ам-Надер плакала так сильно, что некоторое время не могла говорить. Наконец она сказала:

— Твой отец приведёт в дом другую жену!

— О, мама! — закричала Гайят. — Я не хочу, чтобы другая жена жила с нами. Я тебя так люблю и хочу, чтобы в доме было так, как всегда.

Ам-Надер вытерла глаза.

— Гайят,— сказала она,— твой отец зарабатывает много денег в своей лавке и может содержать другую жену. Ты же знаешь, что наш закон позволяет мужчине иметь четыре жены.

И как только Абу-Надер привёл другую жену, в доме всё изменилось. Она была моложе и красивее, чем Ам-Надер, и начала управлять домом. Она заставляла Ам-Надер выполнять всю чёрную работу по дому и готовить пищу, а Гайят она сказала:

— С этого времени носить завтрак твоему отцу в лавку буду я.

До этого времени это всегда делала Гайят. О, она знала, что ни за что не полюбит эту новую жену своего отца!

Когда Абу-Надер бывал дома, он проводил большую часть времени со своей новой женой или с Надером. Гайят и её мать чувствовали себя покинутыми. Но казалось, что это сблизило их и побудило любить друг друга сильнее, и они проводили вместе много времени.

Однажды, когда Абу-Надер вернулся домой с лавки, он сообщил семье, что дядя Муны умер...

— Ты знаешь, кто заменит его в мастерской? — спросила Ам-Надер.

— Говорят, что возвращается отец Муны,— ответил Абу-Надер.

Гайят чуть не закричала от радости. Муна возвращается! О, с каким нетерпением она будет ждать её возвращения!

Следующие несколько дней тянулись очень долго. И вот однажды в школу пришла Муна. И девочки опять были всегда вместе, когда только было возможно. И опять они были самыми лучшими подругами.

Однажды Муна сказала:

— Теперь, когда ты можешь хорошо читать, я хочу дать тебе другую брошюру, которую написал мой отец. У тебя ещё есть та первая, которую я когда-то дала тебе?

Гайят с трудом перевела дыхание.

— Муна,— сказала она медленно. — Я не могу обманывать тебя... у меня нет той брошюры. И то, что вы попали в такую беду,— это всё моя вина.

Муна непонимающе смотрела на неё. И Гайят объяснила, что произошло.

— Прости меня, пожалуйста. Я так виновата. Ты простишь меня? — просила она.

Муна улыбнулась ей:

— Да, Гайят, конечно я прощаю тебя. Сначала нам было очень трудно, но потом всё изменилось в лучшую сторону. В новом городе отец получил работу

в христианской мастерской. И он написал много-много христианских брошюр. Многие приняли Господа своим Спасителем, читая эти брошюры. Но всё же мы должны быть осторожными и должны смотреть, кому можно давать их читать, а кому нет.

— Я буду более осторожной с этой брошюрой,— пообещала Гайят. — И я прочту её прямо сейчас.

Гайят медленно шла по дороге, читая на ходу брошюру. Она так заинтересовалась её содержанием и углубилась в чтение, что не заметила шедшего навстречу Надера.

— Что ты читаешь? — спросил он.

Гайят даже подпрыгнула от неожиданности и попыталась быстро спрятать брошюру за спину, в портфель.

Надер схватил его и начал рыться в нём. Гайят хотела выхватить у него портфель, но не могла — Надер был сильнее. Мальчик нашёл брошюру и...

— Ага! — воскликнул он. — Так ты опять читаешь языческую книгу! Вот подожди, придёт отец.

— Пожалуйста, отдай её мне,— просила Гайят. Она вся дрожала от страха. Опять она попалась. Она будет причиной неприятностей для семьи Муны.

Но Надер отказался вернуть брошюру.

Весь вечер Гайят была неспокойна и ощущала боль в животе и тошноту в ожидании возвращения отца. И вот он ворвался в дом с брошюрой в руке. Гайят вся скрючилась, когда отец протянул руку и схватил её. И в тот момент, когда он готовился ударить её, пол закачался и Гайят увидела, как наклонилась мебель и на пол посыпалась посуда. Дом содрогался. Гайят была в ужасе.

Гайят принимает Иисуса

И почти также неожиданно дом перестал качаться, но не стало света. Гайят закричала от страха.

Она почувствовала, как её обняла мать.

— Не бойся, Гайят, дочка, землетрясение кончилось,— спокойно сказал Абу-Надер. — Мы зажжём лампы и посмотрим, что случилось.

Крепко ухватившись за руку отца, Гайят не отставала от него, когда он пошёл искать лампу. Как только они выяснили, что никто не пострадал, а были лишь небольшие повреждения в доме, вся семья поспешила выйти из дома, чтобы увидеть, что произошло с другими домами... Многие жители ходили с лампами от дома к дому.

Когда подошли к дому шейха, мусульманского священника, все остановились как вкопанные. Молча смотрела толпа на груду камней, обрушившихся на его дом.

— Откуда эти камни? — спросил кто-то.

— Посмотрите! — воскликнула Гайят, указывая на верхушку минарета.

Люди уставились на минарет и молчали. При свете луны они увидели, что верхняя башня минарета разрушена.

Внезапно Абу-Надер закричал:

— Минарет упал на дом шейха!

Люди начали поспешно отбрасывать камни, чтобы найти шейха. Когда они нашли его, он был без сознания. На голове была кровь.

— Он ещё дышит,— прошептал кто-то.

Какой-то человек проталкивался сквозь толпу. Гайят узнала отца Муны. За ним шла женщина, которую Гайят не знала.

— Посторонитесь, дайте дорогу моей сестре. Она доктор.

Люди расступились, чтобы освободить путь женщине. Она наклонилась над шейхом.

— Надо перенести его в дом моего брата,— распорядилась она.

— Он не пойдёт в дом этого язычника,— запротестовал Абу-Надер. — Несите его в мой дом,— приказал он.

Доктор пристально посмотрела на Абу-Надера и твёрдо сказала:

— Этот человек тяжело ранен. Мне удобнее ухаживать за ним в доме моего брата, и он намного ближе, чем ваш дом.

— Хорошо,— сказал Абу-Надер,— но если он умрёт, то это будет ваша вина.

Гайят увидела, как его осторожно подняли и понесли в дом отца Муны.

— О, думаю, что он будет в безопасности,— сказала про себя Гайят. — Было бы ужасно, если бы ещё что-то обрушилось на семью Муны.

На следующий день Муна сказала Гайят, что шейх всё ещё болен, но что все христиане молятся, чтобы ему стало лучше.

— Я надеюсь, что Бог поможет,— воскликнула Гайят. — Если шейх умрёт, то твоей семье опять грозит беда.

— Знаю,— вздохнула Муна,— но, что бы ни случилось, мы знаем, что Бог любит нас и всегда будет делать то, что лучше для нас. Разве ты не помнишь, что, когда сожгли нашу мастерскую и мы поехали в другой город, всё это было к нашему благу?

— Да,— ответила Гайят. — Ты говорила, что в другом городе твой отец смог напечатать много христианских трактатов. И ты говорила, что многие из тех, кто читали их, поверили, что Иисус — Сын Божий и что Он умер за их грехи. И, чтобы спасти тех людей, Бог допустил этому произойти с вами.

Гайят вспомнила стих из Евангелия, который она учила, что Бог так возлюбил мир, что отдал Своего единственного Сына, чтобы всякий верующий в Него имел жизнь вечную.

Каждый день Гайят спрашивала Муну, как чувствует себя шейх. Но ответ был один и тот же: «Он всё ещё очень болен».

Отец Гайят пытался навестить шейха, но доктор сказала, что он слишком плох, чтобы принимать посетителей... Это чрезвычайно расстроило Абу-Надера. В конце концов Абу-Надер пригласил несколько человек в свой дом — поужинать и посовещаться.

Гайят знала, что её мать очень устала. Она бы хотела помочь ей в приготовлении к вечеру, но новая жена приказала девочке помочь в прислуживании.

И вот, когда Гайят прислуживала за столом, она услышала, как её отец сказал:

— Что-то странное происходит в доме того язычника.

— Что заставляет тебя так думать? — спросил один из его друзей.

— Меня не впустили в дом, чтобы увидеть шейха. Я думаю, что его держат там как пленника.

— Что, ты считаешь, мы должны делать? — спросил другой.

— Думаю, нам лучше освободить его,— сказал Абу-Надер.

Гайят знала, что если они сделают это, то уж конечно тогда шейх умрёт и за это обвинят семью Муны. Ей надо предупредить семью Муны об этом.

Она хотела остаться дольше, чтобы ещё что-нибудь

услышать, но новая жена велела ей идти в кухню и мыть посуду.

Мать Гайят тоже была на кухне.

— Мама,— обратилась к ней Гайят,— помоги мне быстрее помыть посуду, чтобы я смогла сбегать к Муне домой.

— Зачем тебе идти туда сейчас? — спросила мать. — Уже становится темно.

— Эти люди договариваются взять шейха из их дома,— объяснила Гайят.

— Я сама справлюсь,— согласилась Ам-Надер. — А ты иди прямо сейчас и предупреди их.

Мысль, что ей придется идти одной в темноте, смущала Гайят, но она чувствовала, что должна предупредить своих друзей. И она побежала к их дому и не останавливалась, пока не достигла своей цели.

— О, Гайят,— воскликнула Муна,— ты так поздно пришла, но я рада видеть тебя.

Прерывисто дыша, с трудом Гайят ответила:

— Мне нельзя долго оставаться. Вам надо скорее что-то делать. Я слышала, как мой отец и его друзья договаривались прийти сюда и забрать шейха.

— Пойди, Гайят, и расскажи всё отцу,— пригласила Муна.

Когда Гайят рассказала всё отцу Муны, он обернулся к сестре, доктору, и спросил:

— Что нам следует делать, как ты думаешь?

Сестра с минуту подумала и сказала:

— Мне не хотелось, чтобы Абу-Надер знал, что разум шейха нездоров, потому что это могло бы напугать мусульман. Но теперь, думаю, лучше впустить отца Гайят, пусть он увидит, насколько болен шейх.

— А если Абу-Надер увидит его в таком состоянии,— добавил отец Муны,— тогда он узнает, какое

большое чудо совершит Господь, когда Он исцелит шейха, правда?

В этот момент они услышали, как шейх слабым голосом позвал из соседней комнаты:

— Я хочу видеть Абу-Надера.

Они с удивлением переглянулись. Отец Муны прошёл в другую комнату и мягко сказал:

— Мы сейчас пошлём за ним. — Он повернулся к сыну: — Пойди вместе с Гайят к ней домой. Подожди несколько минут, пока она незаметно войдёт в дом. Потом постучи в дверь и скажи, что шейх хочет видеть Абу-Надера прямо сейчас.

А остальным он сказал:

— Я верю, что Бог показал нам, что надо делать. Придя домой, Гайят проскользнула в дом через чёрный ход. Вскоре она услышала, как её отец идёт к двери. Она поняла, что он получил приглашение.

— Отец, можно я пойду с тобой в дом Муны? — попросила она.

— Пойдём,— согласился он.

Гайят пришлось почти бежать, чтобы не отстать от отца, который очень торопился к шейху. Отец Муны провёл их в комнату, где лежал шейх.

— Абу-Надер,— проговорил шейх,— я рад видеть тебя. Где я? Что произошло со мной?

«Ха! — подумал Абу-Надер,— шейх в полном порядке. Они просто не хотели, чтобы я виделся с ним».

— Ты получил удар в голову при землетрясении,— объяснил Абу-Надер. — Мы принесли тебя в дом...

— Я хочу к маме и папе,— произнёс шейх,— я хочу, чтобы они взяли меня домой. — Старый шейх взглянул на Абу-Надера, как на незнакомого.

Гайят ощутила странное чувство, потому что шейх говорил как маленький.

— Что вы с ним сделали? — разъярился Абу-Надер.

Доктор сделала знак молчать.

— Его разум повреждён вследствие удара в голову.

— Вы даёте ему лекарство, чтобы он стал таким. Вы стараетесь держать его в своих чарах!

— Я даю ему лекарство, чтобы он выздоровел,— сказала доктор. — И ему лучше. Он же сначала вспомнил вас.

— Что если он совсем потеряет память? — спросил Абу-Надер.

— Мы молим Бога, чтобы Он исцелил его полностью,— сказал отец Муны.

— Аллах исцелит его — не ваш Бог! — закричал Абу-Надер.

— Не кричите и не тревожьте шейха,— приказала доктор. — Если вы хотите чем-то помочь, то позаботьтесь о том, чтобы дом шейха отремонтировали как можно скорее и чтобы его можно было перевезти туда. Там он сможет поправиться гораздо быстрее.

Гайят посмотрела на отца. Он казался удивлённым. Теперь он точно знал, что они не собираются убить шейха.

— Хорошо,— сказал Абу-Надер. — Мы приготовим его дом так скоро, как скоро Аллах исцелит его.

И не сказав больше ни слова, Абу-Надер дал знак Гайят следовать за ним.

Вскоре после того шейх был достаточно здоров и его перевезли в его дом, где за ним стал ухаживать слуга. Иногда его память прояснялась. Иногда ему казалось, что он маленький мальчик, и он говорил и поступал соответственно этому. Но прошло ещё несколько месяцев, и он полностью выздоровел и снова мог служить в мечети.

Мусульмане славили Аллаха, что он ответил на их

молитвы. А Гайят удивлялась, не было ли это результатом молитв христиан?

Гайят хотелось больше узнать о Боге, но теперь, когда она и Муна стали старше, у них прибавилось дел и свободного времени стало меньше особенно у Гайят. Она всё время была занята работой по дому.

Однажды, когда они были вместе, Гайят сказала Муне:

— Вторая жена отца ничего не хочет делать. Она заставляет мою маму и меня делать всю работу в доме. Она говорит, что не хочет быть уставшей, когда отец приходит домой, чтобы ходить с ним в гости и доставлять ему удовольствие. Но моя мама очень устаёт. Она даже не хочет есть и спать от усталости.

— Гайят,— произнесла серьёзно Муна,— моя мама говорит, что Господь Иисус дал бы твоей маме мир и радость, если бы она возложила свою веру и надежду на Него. Тогда она была бы счастлива, несмотря на то что твой отец имеет вторую жену.

— Я ненавижу вторую жену отца,— заявила Гайят.

— Ненависть — это грех,— сказала Муна.

— Мне всё равно,— огрызнулась Гайят. — Она постоянно делает мне язвительные замечания. А если не она, то мой брат. И они постоянно шпионят за мной.

Муна вздохнула.

— Гайят, как бы я хотела, чтобы ты поверила, что Господь Иисус умер за твои грехи, и чтобы ты приняла Его своим Спасителем.

Некоторое время обе девочки молчали... Потом Муна сказала:

— Ты помнишь тётю Марию, Гайят?

— Тётю Марию? Это ту женщину, которая рассказывала нам истории из Библии? Она опять приедет сюда? — спросила Гайят.

— Да,— ответила Муна,— на следующей неделе. Ты сможешь прийти ко мне?

— Постараюсь,— пообещала Гайят. — А сейчас мне лучше идти домой, чтобы не попасть в беду.

Гайят была очень возбуждена известием о возвращении тёти Марии. Она помнила истории, рассказанные тётей Марией три года тому назад. Как раз тогда Муна приняла Господа Иисуса в своё сердце и стала христианкой. Гайят очень хотела иметь в сердце такой же мир и радость, как у Муны. В следующий понедельник Гайят выполнила всю работу быстрее и побежала в дом Муны. И как сильно она обрадовалась, когда тётя Мария вспомнила её. Тётя Мария на этот раз рассказывала совсем другую историю, но одно было то же самое. Она напомнила девочкам и мальчикам, что все согрешили, но что Сын Божий, Господь Иисус Христос, умер на кресте. Он пролил Свою Кровь, чтобы принять наказание на Себя за все грехи.

И она опять говорила о том, что казалось самым странным для Гайят,— что Иисус воскрес из мёртвых, что Он живой и что Он вознёсся опять на небо.

После занятий Гайят подождала, пока все уйдут. Она помогла тёте Марии сложить мольберт и доску. Потом тётя Мария сказала:

— Гайят, твоё имя означает ЖИЗНЬ. И, если ты примешь Господа Иисуса своим Спасителем, Он даст тебе ВЕЧНУЮ жизнь.

— В Коране написано, что я пойду на небо, если буду поступать хорошо,— ответила Гайят.

Тётя Мария открыла Библию и прочитала:

— «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Ефесянам 2, 8–9). — И ещё она прочитала: — «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего

Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Иоанна 3, 16).

Она объяснила, что это значит, что никто не может быть достаточно хорошим, чтобы пойти на небо. Поэтому Бог отдал Своего единственного Сына, чтобы Он умер за грехи людей вместо них и стал их заместителем. И когда они принимают верой, что Господь Иисус — их Спаситель, они принимают Иисуса в сердце и получают жизнь вечную так, как получают подарок — бесплатно, даром.

Потом тётя Мария добавила:

— Гайят, Коран написан человеком, а Библия — это Слово Божье.

— Тётя Мария,— сказала Гайят,— я действительно знаю, что не могу быть достаточно хорошей, чтобы попасть на небо. Можно мне сейчас принять Господа Иисуса как своего Спасителя?

— Гайят, ты веришь, что Иисус — Сын Божий?

Гайят кивнула.

— А ты веришь, что Он умер за ТВОИ грехи?

— Да, верю,— прошептала Гайят.

— Ты примешь Его сейчас как СВОЕГО Спасителя? — спросила тётя Мария.

— О да, приму! — ответила Гайят.

Они склонились на колени, и Гайят помолилась:

— Дорогой Господь Иисус, я знаю, что я грешница. И я благодарю Тебя, что Ты умер за меня. Я принимаю Тебя сейчас как своего Спасителя. Аминь.

Евангелие в действии

Когда Гайят открыла глаза, она увидела в дверях своего брата Надера. Гайят вскочила с колен... У неё захватило дух, когда она ждала, что скажет Надер.

— А я тебя повсюду искал. Вторая жена отца хочет,

чтобы ты пошла в булочную и купила особый хлеб для собравшихся. Если ты мне дашь конфет, я не скажу отцу, что видел тебя в этом доме и что ты опять слушала эту язычницу,— пообещал он.

Гайят с облегчением вздохнула, когда Надер ушёл. Надер не понял, что она только что приняла Господа Иисуса своим Спасителем. А Господь уже помогал ей, потому что Муна говорила, что Он будет помогать тем, кто принимает Его.

Гайят больше не рисковала и в ту неделю не ходила на библейские занятия, потому что Надер опять следил за ней. Если бы её отец узнал об этом, он, конечно, побил бы её. Она знала, что он был уверен, что только его религия была истинной, вот почему он не хотел, чтобы она слушала что-то другое и изменяла веру. Если бы он только мог понять, что Господь Иисус был больше, чем пророк, что Он был Сын Божий и что Он желал быть и его Спасителем.

Позже, когда Муна спросила, почему Гайят не пришла на занятия, Гайят рассказала, как она боялась.

— Я знаю, что Иисус — мой Спаситель, и никто не может отнять Его из моего сердца,— говорила она. — Но я ещё не готова, чтобы мой отец узнал, что я поменяла религию. Он мог бы даже убить меня.

— Мы будем молиться, чтобы Бог защитил тебя,— обещала Муна. — И будем молиться, чтобы Господь Иисус дал тебе смелость жить для Него и говорить о Нём другим.

— Мне хотелось бы больше знать о Нём,— сказала Гайят. — Я читала брошюру твоего отца много раз и очень дорожу ею.

— Я достану тебе Библию. И когда ты будешь читать её, она поможет тебе возрастать как христианке,— объяснила Муна.

Гайят была в восторге от Библии, которую подарила ей подруга. Она читала её при малейшей возможности. Но прежде она всегда осматривалась, чтобы убедиться, что поблизости никого нет и никто не видит, что она делает, потому что она боялась, как бы у неё не отобрали Библию.

В то же время три раза в день, когда Абу-Надер призывал мусульман к молитве с минарета, Гайят склонялась на колени на своём специальном коврике для молитвы. Она молилась истинному Богу, хотя вместе с этим она всё ещё произносила молитвы, которым её научили. Но однажды ей показалось, что она по-настоящему говорит с Богом. Как раз в тот день она прочитала в Евангелии от Матфея: «А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своём будут услышаны» (6, 7).

И Гайят начала говорить с Господом Иисусом во время молитвы, как будто Он находился в той же комнате вместе с ней. У неё было так много того, о чём ей хотелось поговорить с Ним. Она хотела знать, что она должна делать, если увидит своего брата, который будет следить за ней. Или, как ей надо слушаться вторую жену отца, чтобы не сердиться, когда та бывает несправедлива. И ещё многое-многое хотела она знать относительно своего поведения. Много раз случалось, что Гайят должна была просить Господа Иисуса простить её за то, что она была нетерпимой ко второй жене отца или за то, что она дралась с Надером. Однажды Гайят узнала, что она не только должна просить Господа простить её, но также просить прощения у тех, с кем поступала неправильно.

Как было трудно прийти ко второй жене отца и сказать ей, что она сожалеет, что обижалась на неё. Она изо всех сил старалась любить вторую жену.

Гайят сильно любила свою мать. Но с тех пор как отец привёл в дом вторую жену, её мать так уставала и часто плохо себя чувствовала. Это беспокоило девочку. Тем не менее она пошла ко второй жене отца и сказала:

— Простите, что я сердилась на вас некоторое время тому назад.

— Хорошо, но смотри, будь осторожнее в следующий раз,— заявила вторая жена. — Я знаю, что ты ревнуешь, потому что я намного красивее, чем твоя мать и ты.

Гайят пришлось признаться себе, что она действительно ревновала. Но ей не нравилось, чтобы о её недостатках ей говорили другие. Она хотела сказать что-то злое, но вдруг вспомнила, что она была дитём истинного и живого Бога и что ей надо быть осторожной в том, что говорить и даже в том, что думать.

— Гайят, я заметила, что ты стала какая-то другая в последнее время,— сказала вторая жена. — Что с тобой случилось?

Гайят была ошеломлена. Это был случай, когда она могла сказать, что верит в Иисуса. Но она побоялась, что Абу-Надер, её отец, разгневается.

— О, я знаю,— рассмеялась вторая жена. — Ты стараешься быть хорошей, чтобы пойти на небо.

Гайят хотела сказать ей, что она знает, что пойдёт на небо. Она едва сдержала волнение и облизала пересохшие губы. Но слова трудно было произнести. Гайят было стыдно за себя.

Проходила неделя за неделей. Гайят и Муна изучали Библию в доме Муны. Гайят очень радовалась, что её отец позволял ей дружить с Муной.

И Гайят очень желала пойти с подругой в её церковь, где славили Господа Иисуса. И вот однажды,

в воскресенье, когда Надер помогал отцу в лавке, Гайят решила, что пойдёт с Муной.

Служение отличалось от того, к которому она привыкла в мечети. Им не надо было останавливаться перед входом и мыть лицо, руки и ноги, прежде чем войти внутрь, не надо было снимать обувь. Они сидели и пели песни, потом слушали пресвитера, который читал из Библии и говорил проповедь. Гайят чувствовала, что она поистине преклоняется перед Богом.

По окончании служения, когда они вышли из церкви, Гайят вдруг увидела Надера, шедшего по улице.

Она быстро помолилась, прося Бога сделать так, чтобы Надер её не увидел.

Но Надер всё же увидел её:

— Гайят, что ты здесь делаешь?

Первым побуждением Гайят было сказать, что она просто пришла, чтобы встретить Муну. Но тут же вспомнила, что нельзя обманывать.

— Я ходила с Муной в церковь,— призналась она. Она собиралась пообещать дать ему конфет или денег, чтобы он не говорил отцу о ней, но прежде чем она успела сказать хоть слово, Надер повернулся и опрометью бросился назад в лавку.

О, Гайят знала, что теперь ей не миновать беды. Что сделает её отец? Ей не пришлось долго ждать, чтобы узнать это. Едва она справилась с работой в доме, как пришёл её отец с несколькими важными людьми из их города.

Гайят было приказано приготовить угощение. Она услышала, как её отец спросил их:

— Что бы вы сделали, если бы увидели, что ваша дочь выходит из христианской церкви?

Ошеломлённые гости даже перестали есть.

— Ты хочешь сказать, что дочь Абу-Надера осмелилась пойти в христианскую церковь? На богослужение?! — спросил один из них.

— Спросите её,— огрызнулся Абу-Надер, бросив взгляд на Гайят.

Гайят молча воззвала к Богу: «Помоги мне остаться верной Тебе, Господь Иисус». Потом она спокойно сказала:

— Да.

— Дитя моё, почему ты пошла туда? — спросил другой. — Разве ты не знаешь, что это против нашего закона?

Гайят смело ответила:

— Я хотела прославить истинного Бога. Я приняла Сына Божьего, Иисуса Христа, в своё сердце личным Спасителем и теперь хочу служить Ему.

Абу-Надер вскочил на ноги.

— Я расправлюсь с этим язычником, за то что он заставил мою дочь изменить нашей вере,— яростно закричал он.

— Никто не вынуждал меня изменять своей вере,— твёрдо заявила Гайят. — Я сама, по своей воле попросила Господа Иисуса простить мне мои грехи и стать моим Спасителем, потому что я знаю, что Он умер на кресте за мои грехи.

— И ты хочешь теперь умереть за Него? — спросил её отец.

— Да,— ответила Гайят.

Она уже не боялась. Она знала, что Господь Иисус с ней и не допустит, чтобы с ней случилось что-то, что было бы против Его воли. Да, она действительно желала умереть за Него, потому что она очень любила Его и потому что она пойдёт на небо и будет там с Ним.

— Надер, скажи своему дяде, чтобы он разжёг печь

докрасна. У нас есть ещё кое-что, кроме хлеба, чтобы спечь сегодня,— приказал Абу-Надер.

Гайят вздрогнула. Неужели он имеет ввиду её?!

— Я скорее желал бы увидеть тебя мёртвой, чем безбожницей.

— Но, отец, я же ВЕРЮ. Я не язычница,— убеждала Гайят.

— В кого ты веришь, в Христа или Магомета? — спросил её отец.

— Я знаю, что Магомет умер, а Христос жив,— заявила Гайят.

— Шейх повелит приговорить её к смерти,— обратился Абу-Надер к своим друзьям. — И я должен исполнить его повеление.

— Я пойду и скажу шейху,— вызвался один из них,— и мы встретимся в булочной твоего брата.

В то время как вся группа двигалась к дому булочника, дяди Гайят, она молилась, чтобы иметь мужество остаться верной Господу. Гайят только сегодня прочитала в Библии Книгу пророка Даниила, где говорилось о трёх иудейских юношах, которых бросили в раскалённую печь, потому что они оставались верными Богу. Но Бог был с ними и спас их удивительным образом. Сделает ли Он так же с ней, если её действительно бросят в большую раскалённую дядину печь?

— О, я вижу, что печь уже готова,— заметил Абу-Надер своему брату.

— Да, Надер помог мне. Он сказал, что ты хочешь использовать её.

— Дорогой Господь Иисус, помоги мне,— помолилась вслух Гайят.

В этот момент в дверях произошло какое-то замешательство и чей-то голос произнёс:

— Отпустите её!

Удивлённые, все повернулись к двери. Там стоял шейх! Он обратился к Гайят:

— Я слышал, что ты стала христианкой.

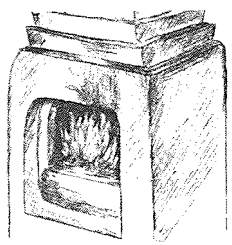
— Да,— ответила Гайят. Она больше не боялась исповедовать свою веру в Господа Иисуса.

— Вот почему я приказал, чтобы её бросили в печь. Я знал, что вы тоже пожелаете наказать её,— вставил Абу-Надер.

— Ты неправильно подумал,— заявил шейх.

— С того времени как христиане вылечили меня по своей доброте, меня постоянно преследует вопрос, может, действительно они правы, а мы неправы. Мы не поступили бы с такой добротой, если бы их духовный служитель оказался в моём положении. Я в большом долгу перед этими христианами. Освободите Гайят, и пусть она свободно прославляет Бога вместе с ними в их церкви. Посмотрим, станет ли она лучше, будучи христианкой.

Гайят едва верила своим ушам. Но она знала, что её отец должен повиноваться шейху. И она также знала, что должна быть очень внимательной, чтобы всегда радовать Бога и слушаться Его. Вторая жена уже заметила перемену в Гайят. И если она будет послушной и верной Господу Иисусу, может быть, её мать, отец и брат и даже вторая жена смогут познать истину и принять Господа Иисуса своим личным Спасителем.



Ваши отзывы, предложения и заказы
ждём по адресу:
109125 РОССИЯ
г. Москва а/я 8
Петровой
Галине Михайловне

Путь в Небо МСЦ ЕХБ